

максим кантор

советы
**ОДИНОКОГО
курильщика**

тринадцать рассказов про Татарникова

Максим Кантор

**Советы одинокого курильщика.
Тринадцать рассказов про
Татарникова (сборник)**

«АСТ»

Кантор М. К.

Советы одинокого курильщика. Тринадцать рассказов про Татарникова (сборник) / М. К. Кантор — «АСТ»,

Максим Кантор предлагает неожиданный жанр – иронический философский детектив. Автор фундаментального «Учебника рисования», политических эссе «Медленные челюсти демократии», трагического романа «В ту сторону» доказывает, что серьезные мысли о судьбе России можно изложить в форме криминальной истории с присущими жанру героями: мудрым детективом и его другом – летописцем событий. Такого странного сыщика мы еще не знали – это профессор истории Сергей Ильич Татарников, который распутывает любое дело, исходя из знания общей картины мира, – а попутно рассказывает философские притчи. Дело об исчезнувших риэлторах, о пропавшем полковнике госбезопасности, таинственном царстве Удмурту и краже в экспрессе Москва-Петербург для детектива-историка – это повод поразмыслить о природе нашего общества. Как и всегда у Максима Кантора, книга дает панораму сегодняшней России, от бомжа до президента.

© Кантор М. К.

© АСТ

Содержание

Необходимые пояснения	5
Мировой стандарт	7
Карта вин	15
Путешествие из Москвы в Петербург	23
Русский траппер	31
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Максим Кантор

Советы одинокого курильщика.

Тринадцать рассказов про Татарникова

Необходимые пояснения

Автор этих заметок – безымянный журналист «Вечерней Москвы». Он передал мне рукопись на условиях соблюдения строжайшей тайны, и я дал ему слово. «Автор пожелал остаться неизвестным» – до чего банальная фраза! Однако именно так дело и обстоит: автор действительно пожелал остаться неизвестным, имя его не упоминается в тексте. Не странно ли? – спросит читатель. И это в эпоху оглушительной гласности и победившей демократии? Чего именно автор опасается?

Что творится в журналистике – я не ведаю. Вполне возможно, что у безымянного журналиста есть основания опасаться: поговаривают, что в иных изданиях опять появилась цензура. А это значит, что резкие высказывания, которые автор записок себе позволяет, могли быть не одобрены его коллегами. Кто знает, возможно, непосредственное начальство журналиста осталось бы недовольно скептическими замечаниями рассказчика, его критическим темпераментом. Это двадцать лет назад в нашем обществе разоблачения ха разоблачений закончилась. Сегодня пришла пора подмечать положительные стороны бытия – автор же упорно не желает их видеть. Ну, словно надел человек черные очки и занялся очернительством! Начальству мог не понравиться иронический – я бы даже сказал глумливый тон повествования. Что высмеивает автор? – спросило бы начальство. Всю нашу жизнь он высмеивает, что ли? И то ему кажется нелепым, и это – фальшивым. Есть ведь некие незыблемые ценности! – так сказала бы начальство. Пока я читал текст, у меня сложилось впечатление, что автор записок не в восторге от нашей с вами действительности. А такое отношение к действительности – сочетается ли оно с работой журналиста?

Впрочем, повторюсь, я от журналистики весьма далек – так, иногда сочиняю статьи в «Новую газету».

Причина, по которой записки попали именно ко мне, проста. Автор знал, что с профессором истории Татарниковым меня связывали дружеские узы. Я писал про этого достойного человека, часто рассказывал про своего покойного друга Сергея Ильича. Думаю, что знал я Сергея Ильича весьма близко, – тем интересней было обнаружить неизвестную мне доселе сторону жизни С. И. Татарникова. Оказалось, что в течение долгих лет Сергей Ильич, помимо прочего, занимался разгадыванием криминальных задач. Он был тем, кого в заграничных новеллах именуют детективом, хотя, видит бог, сам Сергей Ильич никогда себя детективом не считал. Всем его знакомым памятна крайняя деликатность Сергея Ильича – он нипочем не стал бы допытываться до чужих секретов. Жизненные правила покойного Татарникова были таковы, что каждый человек являлся для него как бы суверенным государством, экстерриториальность которого не могла быть оспорена. И сам Сергей Ильич пускал на территорию своего государства весьма неохотно. Но если вы попадали в круг избранных – и вам разрешалось сидеть на маленькой кухне историка, – сколько волшебных открытий удавалось сделать за один только вечер! Записки журналиста позволили мне лишний раз услышать голос покойного друга: автор воспроизвел интонацию речи Татарникова весьма точно. Да, именно так, попыхивая сигареткой, и вел свои неторопливые беседы профессор.

Если бы меня спросили, в чем основное достоинство этих записок, я бы сказал так: в живом голосе Сергея Ильича. Признаюсь, мне странно сознавать, что роль Татарникова сво-

дится здесь к разгадыванию преступлений – подлинное значение этого человека заключалось отнюдь не в работе криминалиста. Но я готов согласиться с тем, что, объясняя устройство мира, Сергей Ильич попутно мог решать и милицейские задачки. В конце концов, и это тоже интересно, и это дает представление о его незаурядном уме. И я благодарен автору записок за неизвестные мне подробности. Остальное пусть пребудет на совести автора, а именно: его счеты с действительностью, его язвительные, а порой и вульгарные шутки, и наконец его стиль – стиль репортера вечерней газеты.

Я не стал править текст и не изменил в нем ни строчки. Моя жена выправила пунктуацию рукописи, и, руководствуясь женской щепетильностью, в двух-трех случаях убрала из предложений ненормативную лексику. Да и сам Сергей Ильич, человек старых правил, не одобрил бы подобной развязности. В остальном же, повторяю, рукопись представляет собой оригинальное произведение, которое я и отнес издателю, – и если мое имя стоит на обложке, то лишь в силу вышеизложенных причин.

Максим Кантор

Мировой стандарт

Когда перечисляют великих сыщиков: Мегрэ, Холмса и Пуаро, – я всегда добавляю к этому славному списку никому не известное имя. Собеседник спрашивает: Татарников? Кто он? Следователь прокуратуры, работник Интерпола?

Нет, отвечаю, Сергей Ильич Татарников не имеет отношения к правоохранительным органам. Он – историк, сутулый интеллигент, зарядку с гантелями не делает, призов по стрельбе не берет. Значит, говорит собеседник, это особенный, цепкий ум, вроде того, коим обладал Эркюль Пуаро? И опять-таки я говорю: «нет». Случись Татарникову посетить место преступления (предположение невероятное, так как он не покидает своей квартиры), он бы не обратил внимания на следы крови или отпечатки пальцев.

Просто голова Татарникова устроена таким чудесным образом, что преступление в его присутствии перестает быть загадкой. Как это происходит, спрашивают меня, какой у него метод?

Скажем, метод комиссара Мегрэ – это здравый смысл. Комиссар понимает, кто на что способен: он знает жизнь. Метод Холмса – дедуктивный анализ, англичанин запоминал детали, сравнивал и делал вывод. Вероятно (если бы такое утверждение не показалось смешным), я должен был бы сказать, что метод Татарникова – использование всемирной истории для понимания бытовой проблемы. Сергей Ильич считает, что если разобраться в причинах падения Римской империи, ничего не стоит определить, кто спер из буфета серебряные ложки, – надо лишь включить частный случай в общую картину. Если ваше понимание исторического процесса верно, сказал однажды Татарников, сегодняшнее происшествие тоже станет ясным. Не раз я убеждался в его правоте, однако перенять приемы не смог – видимо оттого, что по истории у меня была тройка; сказать, кто жил раньше: древние египтяне или древние римляне, я не могу.

Я – журналист, веду отдел криминальной хроники, круг моих знакомств соответственный: капитаны милиции, опера, осведомители. Лишь случайное соседство (наши квартиры на одной лестничной площадке) помогло мне познакомиться с историком. Сперва Татарников отнесся ко мне настороженно, не любит он журналистов – но потом мы подружились. Я выполнял его мелкие просьбы: бегал за сигаретами, приносил из соседнего ларька водку. Сергей Ильич имеет склонность к этому напитку, любит взбодрить себя рюмкой-другой. Не раз я составлял ему компанию за маленьким столиком на маленькой кухне – и по-соседски делился рабочими сплетнями. Не было случая, чтобы повесть о нераскрытом деле, о фатальном «висяке», на который следователи махнули рукой, осталась без внимания Татарникова. Прихлебывая водку, затягиваясь желтым сигаретным дымом, Сергей Ильич высказывал суждение, и суждение было неизменно точным.

Случай в подмосковном привилегированном поселке был особенным. Следствие зашло в тупик, ухватиться было не за что. А между тем исчез человек.

И не какой-нибудь (подумаешь, человек исчез! страна немаленькая, каждый день кто-то исчезает, за всеми не уследишь) – а незаменимый. Семен Аркадьевич Башлеев, нефтяник, член Совета Федерации, меценат, миллиардер, борец за гражданское общество – словом, фигура. Пришел Семен Аркадьевич на вернисаж в галерею «Золотая веранда», пришел – и пропал. Искали везде, вызвали специального пса, дали псу понюхать кредитные карточки Башлеева – сенатор оставил на столе портмоне, расплачивался за покупку. Перед тем как раствориться в сосновом воздухе Рублевского шоссе, сенатор приобрел произведение искусства – вот и сама инсталляция тут же стоит, никто на нее не позарился. Сунули доберману под нос золотую карточку VISA, воет пес – не берет след. Попробовали платиновую – а что, бывали случаи, на платиновые карточки ищейки реагируют охотнее – нет, не хочет доберман искать. Разумеется,

охрана перекрыла входы, здание оцепили. Те, что внутри, попали в состав подозреваемых – хотя кто заподозрит таких людей? Случайных гостей в «Золотой веранде» не бывает, всякий посетитель – лицо значительное.

Я ехал в галерею и злорадствовал. Наконец появился повод взять хоть одного из них за шиворот. Не может так быть, что вовсе нет управы на этих жирных котов! Сто раз прикидывал, как бы к ним подобраться. Но ведь не подойдешь, не пройдешь сквозь охрану, не заглянешь за дачный забор. Теперь-то я их достану, всю правду расскажу.

В зале подмосковной галереи сидели четверо подозреваемых – всех я отлично знал: что ни день, откормленные рожи мелькали в светской хронике.

Вот куратор Шайзенштейн – я такое про него слышал, что хватило бы на персидский эпос, – но и строчки мне написать не давали; вот эксперт Переплюева, сделавшая состояние на сертификатах картин. Если правду говорят, из рисунка соседской девочки она в два счета делает Шагала. Впрочем, как можно говорить правду про вранье? Сергей Ильич Татарников вечно потешался над моими репортажами. «Один грек говорит, что все греки врут. Такое бывает?». Вот банкир Ефрем Балабос – компаньон пропавшего нефтяника. Говорят, Балабос собрал коллекцию, превышающую стоимость Третьяковской галереи в пять раз; говорят, настоящее собрание Третьяковки висит у него на даче, а в самой Третьяковке – копии, заверенные Переплюевой. Вот министерский работник Потрошилов: три подбородка, шесть складок на затылке. Про него вообще лучше ничего не знать – меньше знаешь, крепче спишь.

Слышать-то мы все слышали: мол, воруют – а поди, докажи. Эх, дайте мне факты, дайте фотографа, я такое напишу! Но свидетелей нет, состава преступления – тем более. В чем их обвинить? В том, что заставляют клиентов раскошелиться? В стране, где продали все, что на земле и под землей, – на продажу поддельных закорючек сетовать не приходится. Они подошли к искусству как к природному ресурсу: нефтяники качают помпу, газовики оседлали трубу, а эти потрошат музейные фонды.

Сегодня они любовались авангардом; как ходят на весенние коллекции мод, так ходят и на выставки современного искусства – смотрят, что нынче берут в Лондоне, что носят в Лос-Анджелесе? По стенам висели картины с квадратиками, а в центре зала стояла жестяная гусеница, такие ставят в песочницах для детей – но эта гусеница была для взрослых и стоила пять миллионов. Жирные люди смотрели на пеструю игрушку и стонали от восторга. Они говорили друг другу, что это – актуальное искусство, это прогрессивно.

Следователь ходил подле жирных гостей кругами, не смел подступиться к важным персонам. Одна ошибка – и прощай карьера. Как я сочувствовал этому прыщавому парню!

– Подбросишь идейку? – он у меня спросил. – Подброшу, если будет. Может, его расчленили – и по цветочным горшкам? Вон оранжерея какая.

– Ну и фантазия у тебя. Хотя... как вариант... Нет, времени у них не было. И тут пила нужна особая... тут бензопилой работать надо... – Следователь задумался о пиле.

– А может, он в Англию улетел? – Эту версию выдвинул банкир Балабос.

– Вот так взял – и в Англию? С чего бы? – Следователь впился в Балабоса глазами.

– Очень просто. Понравилась гусеница. Спросил, кто автор. Ему сказали – художник из Лондона. Башлеев – человек действия. Мы, деловые люди, решения принимаем мгновенно. Понравилось – купил, захотел познакомиться – сел в самолет. Логично?

– А где ж самолет? – Следователь растерялся.

– Как это где? Где Башлеев – там и его самолет.

– Прямо с грядки стартовал? – ехидно так следователь спросил.

– Зачем газон портить! На шоссе вырулил – и полетел.

– В окно вылез, в самолет сел – и в Лондон? Странно, да?

– Мы, деловые люди, ведем себя непредсказуемо.

– Как вариант... – Следователь стал загибать пальцы, высчитывал что-то. – Они все теперь в Лондон летают... Познакомиться с художником захотел... а там, глядишь, и политическое убежище попросит... В Лондон полетел... Бывает...

Говорил, а сам прохаживался вдоль цветочных горшков и карандашиком в землю тыкал. Въедливый парень, старается.

– Какую вещь собирался оплатить Башлеев? – спросил я.

Следователь развел руками, он про бензопилу все знал, а квадратиками не увлекался.

Я повторил свой вопрос, адресуясь к подозреваемым.

– Вы еще спрашиваете! Разумеется, гусеницу.

– Вот эту? – Я хотел сказать: «вот эту дрянь?», но удержался. Нравится им тратить деньги на пачкотню – пусть тратят. Денег ихних мне, что ли, жалко?

– Конечно! Ходил вокруг, любовался.

– Любовался?

Перед поездкой я штудировал книгу о современном искусстве – специально издали для богатых дурней, чтобы приучать их к мысли, что миллионы следует отдавать за полоски и какашки. Я прочел о последних новинках арт-рынка. О сосульке из замерзшей мочи (ее приобрел владелец алмазных приисков, поставил у себя в кабинете), прочел о живом цыпленке, помещенном под лампу высокого накаливания (проблема в том, чтобы регулярно менять цыплят,дохнут при высокой температуре). Жаль было цыпленка, но более всего меня ошеломили объедки. Объедки пищи, выблеванные мастером на тарелку, покрывали лаком и продавали богачам (в условиях надвигающегося голода это было особо актуальным произведением). Почему, спрашивал я себя, почему такая вопиющая халтура находит спрос у хитрых и жадных людей? Они неохотно расстаются с тремя рублями на домработницу – отчего же платят миллионы тем, кто им втюхивает квадратики? Башлеев был опытный и неглупый человек – попробовал бы кто-нибудь впихнуть ему поддельный доллар! Так отчего же он поддавался внушению – и готов был приобрести банки с какашками или бессмысленную гусеницу?

И где сам Башлеев? Не мог же нефтяник растаять в воздухе? Кто желал его смерти? Я поглядел в глаза Ефрема Балабоса – этот человек способен на все, вон как приветливо улыбается! Поглядел на Потрошилова, посчитал его подбородки. И этот человек на многое способен. Поглядел я на Переплюеву, она потупила глазки. Что если Башлеев обнаружил подделку в своей коллекции, и они решили заставить его молчать? Могло такое быть? Да запросто.

Не так давно прогремело дело о фальшивом Ларионове – показали коллекцию в музее Ширн, во Франкфурте. Доверчивые немцы раскупили все картины и лишь потом догадались провести экспертизу – оказалось, на выставке не было ни одного подлинника. Подделать можно все краски, кроме цинковых белил – по белилам время создания картины высчитывается с точностью до года. Разоблачили подделки – а виноватых нет. Кто подделывал, спрашивает следствие? Неизвестно, говорят, китаец какой-то. А почему китаец? А вот так – чтобы далеко и нереально. Начал я писать репортаж – и бросил: о чем писать прикажете? О таинственном китайце?

Посмотрел я и на Шайзенштейна. Может такой убить? По виду не скажешь, ну так и то, что он куратор современного искусства, – тоже не скажешь. А Переплюева? Сама, пожалуй, и не убьет, но труп спрятать поможет. И где же они его спрятали?

Неожиданно я все понял. Простота комбинации восхитила: где и прятать мертвое тело, как не в галерее. Современное искусство приспособлено для хранения краденого и прятанья трупов. Провинциалы зарывают трупы на помойке, но галерея современного искусства – и есть самая качественная помойка. Кучи барахла, банки с экскрементами, огрызки и ошметки – здесь не одно мертвое тело можно спрятать, здесь братская могила останется незамеченной. Вы смотрите на инсталляцию – и не знаете, что это: может быть, склад краденого? Наворовал алмазов – наклеил камушки на фанеру, выставил в галерее, и никто никогда не найдет. Тюкнул

старушку – и в формалин ее, выставил в музее, все будут смотреть, восторгаться, пальцем показывать, и никогда не обнаружат тела. Убить цыпленка легко – а разве уничтожить человека много сложнее? Остальное еще проще. Везти труп из города в город внутри инсталляции – красивая идея.

Я прошелся по галерее, присматриваясь к экспонатам. Стало быть, он ходил вокруг гигантской гусеницы, любовался. Если незаметно подкрасться сзади, толкнуть... Я подошел к огромной размазанной гусенице, показал на нее, спросил:

– Тело здесь?

Едва я произнес эти слова, как следователь оживился. Подскочил к игрушке, стал ее трясти.

– Признайтесь сами – не то прикажу разломать вашу дурацкую гусеницу!

Присутствующие возбудились. Следователю дали понять, что если он тронет пятимиллионную игрушку, его ждет тюрьма. Банкир Балабос приплясывал в предвкушении скорой расправы.

– Ломайте! – кричал он следователю, – ломайте! Гений создал великую гусеницу, но вот приходит опричник и крушит искусство!

– Варвар! – сказала Переплюева. – Сталинист!

– Вы, должно быть, разделяете мнение Гитлера, – ехидно заметил Шайзенштейн, – и считаете авангард искусством дегенеративным? Вот так и фашисты губили новое и радикальное!

– Получите разрешение в музее Гугенхайма, – посоветовал министерский работник Потрошилов, – перед вами мировая классика! Это вам не памятник Дзержинскому, эта вещь сделана в соответствии с мировыми стандартами.

– Никому не уходить! Я вернусь через три часа! – Следователь Гена (три года его знаю, ни одного дела еще не раскрыл) стиснул мне руку и умчался.

Следственный эксперимент отложили до вечера, следователь ждал отмашки от руководства, подозреваемые переместились в ресторан, где за бутылкой бордо коротали время. Я же поехал советоваться с Татарниковым, предварительно завернув в магазин. На бордо денег у меня не было – но бордо в данном случае и не приветствовалось. Сергей Ильич жарил яичницу на кухне. Я поставил на стол бутылку водки, присел на табурет и описал Сергею Ильичу конкретный случай. Непросто было объяснить, что именно экспонируется в галерее, я с трудом подбирал слова. Надеюсь, Татарников понял, что это была за гусеница, и какого рода квадраты висели по стенам.

– Значит, квадраты?

– Квадраты, да. А Башлеев пришел на них посмотреть – и пропал.

– Пропал, значит? – спросил Сергей Ильич и аккуратно разбил яйцо о край сковороды.

– Испарился.

– И собака след не взяла? – Бац, второе яйцо разбил.

– Хороший пес, а растерялся.

– Зато вы не растерялись. Обнаружили троянского коня в галерее? – Третье яйцо кокнул, желтых три глазка на сковороде. – Решили, что тело внутри художественного объекта?

– Когда смотрю на выставки нового искусства, всегда думаю: так придумано все, чтобы было удобно трупы прятать. перевязал ленточкой, бантик на задницу приляпал – вот тебе инсталляция. Хоть в Третьяковке показывай, никто ничего не спросит. И вывозить за рубеж удобно. Скажем, грохнул банкира, куда тело деть – вопрос. А тут как раз выставка в Париже – хоп, соорудил инсталляцию и вперед, пара часов – и уже вдали от русского правосудия. Тут проблема одна – запах.

– И как же думаете справиться?

– Да не волнуйтесь вы за них, Сергей Ильич! Придумают! Египтяне на тысячу лет покойников бальзамировали – и наши деятели как-нибудь на пару недель законсервируют. Прогресс все-таки. Оболют «Шанелью» или черной икрой намажут. У богатых свои фантазии.

– Нефтяная компания Балабоса и Башлеева, кажется, переходит в государственное управление? – спросил Татарников невпопад.

Я кивнул, разлил водку. Татарников снял сковороду с огня и щедрой рукой отвалил мне два глазка из трех – я и спорить не стал, целый день не ел. Там, на Рублевке, разве они накормят? Сергей Ильич поковырял вилкой свою часть яичницы, отхлебнул из граненого стакана и сказал:

– А подозреваемых, так понимаю, четверо?

– Ну и рожи, Сергей Ильич! Поперек себя шире.

И я описал ему Переплюеву, Шайзенштейна, Потрошилова и Балабоса.

– Вы описываете исключительно некрасивых людей.

– Такие будки, Сергей Ильич!

– Вы не находите это странным: некрасивые люди представляют прекрасное?

– Простите, не понимаю.

– Скажем, Леонардо да Винчи или Рафаэль были красивыми людьми. А сегодняшнее искусство представляют некрасивые люди. Значит ли это, что искусство сегодня не вполне искусство?

– Теперь так принято, – сказал я неуверенно. – Многим нравится.

– Вы, я вижу, знаток, – подхватил Татарников. – Может быть, разъясните, почему квадрат одного художника похож на квадрат другого художника? Вот вы, журналист, всегда можете угадать автора?

Я развел руками.

– Любопытный парадокс, не правда ли? – сказал Татарников.

– Что вы имеете в виду?

– Данный тип искусства есть самовыражение личности, более свободное, чем, допустим, у Репина или Рембрандта?

– Разумеется.

– А когда личность выражает себя, она делается совершенно непохожей на другую личность, не правда ли?

– Видимо, так и происходит.

– Тогда почему получилось так, что произведения авторов, которые самовыражаются, похожи друг на друга до неразличимости? А произведения Репина и Рембрандта, которые самовыражаются менее свободно, – совсем не схожи? Может быть, сегодня выражают нечто не вполне выразительное?

– Не понимаю вас.

– Чтобы некое свойство выразить, надо этим свойством обладать. А если нет никаких свойств? Скажем, трудно выразить личность, если нет личности.

– К чему вы это говорите? – Я не мог уследить за его мыслью.

– В истории, голубчик, – Татарников привычно перешел на лекторский тон, – частенько случается так, что явление выдается за свою противоположность. Замечали? Вот, скажите, в чем значение реформ Петра Первого?

– Петр прорубил окно в Европу, принес в Россию западные порядки. – Это даже я знал. В школе я историю не особенно учил – но про реформы Петра сегодня много пишут.

– Вы уверены в своем ответе? Так вот, голубчик, Петр Первый отменил институт престолонаследия, упразднил патриаршество, учинил тотальный контроль государства над религией и окончательно закрепостил крестьянство. Большого произвола, нежели Петр, в русскую

государственность никто и не принес – большевики против него дети. Так что до европейских порядков далековато. – Татарников хмыкнул и отхлебнул из граненого стакана.

– Но при чем тут Петр Первый, какая связь?

– А самая непосредственная, голубчик! Историю надо внимательно читать, вот что! Учиться в школе надобно без троек! А всяких шарлатанов и культурологов, извините за выражение, в шею гнать! – Татарников пристукнул ладонью по столу. – А то врут больно много!

Татарникова было легко вывести из себя. Я породу учителей за это и не люблю, но Сергею Ильичу поучения прощал. Поскандалит, успокоится и чего-нибудь дельное присоветует. Я кивнул, плеснул ему еще водочки. Пусть покричит, выпьет, глядишь, его и осенит. – Обратите внимание, голубчик, как много явлений, не соответствующих своему формальному названию. Вот авангард – а мы ведь про авангард говорим, да? – был придуман как социалистическое революционное искусство. А стал обслуживать богатых буржуев. Так?

– Так.

– Пойдем дальше. Предполагается, что культуролог – это тот, у кого есть мысли о культуре. Чиновник – тот, кто блюдет закон. Если эти правила не соблюдаются, общество оказывается в плену фикций. Является ли Шайзенштейн мыслителем? Пожалуй, нет. Является ли Потрошилов честным человеком? Судя по всему, не вполне.

– Подумаешь, Америку открыли! Да, воры. Но ведь все воруют!

– Это не воровство, мой милый. Это система, воспроизводящая фиктивное бытие. Люди не соответствуют профессиональным обязанностям, поскольку смысл их деятельности совершенно иной. Они производят пустоту – и должны пустоту олицетворять.

– Нет, Сергей Ильич! – возразил я. – То, что они делают, – мерзость, но не пустота. Поделки, которые они рекламируют, – это стоит денег. Миллионы платят!

– То есть дают нарезанную бумагу в обмен на наклеиваемые квадратики. Что именно из этих товаров является настоящим? Искусство – не вполне искусство, красота – не вполне красота, но это потому, что деньги – не вполне деньги.

– Ошибаетесь. Деньги реальные и дают положение в обществе.

– Положение в обществе? Но скажите, какое у нас общество? Демократическое? Феодалское? Капиталистическое? Затрудняетесь с ответом, голубчик? А можно ли обладать реальным положением в фиктивном обществе?

– Знаете, Сергей Ильич, я с вами не согласен. – Я решил вернуть старика к реальности. – Может, наше общество и не идеальное, но ведь живем же как-то. Хлеб жуем, водочку выпиваем. Если бы все было фальшивое, и мы бы с вами яичницу не ели.

– Правы, голубчик, совсем все фиктивным быть не может. Петр Первый – фиктивный европеец, но абсолютно реальный крепостник. Ищите то, что реально, и все остальное прояснится тоже. Что реально в нашей стране? Искусство?

Я колебался с ответом.

– Право? Закон? Демократия? Свободная печать? Авангард? Что же вы молчите, голубчик? Может быть, власть?

– Власть, разумеется, вполне реальная вещь, – сказал я. – Вот, скажем, нашу газету взять. У главного – реальная власть. Захочет, репортаж напечатает. А захочет – меня на улицу турнет. Реально.

– Вот видите! От этого и отталкивайтесь. Власть реальная – и нуждается, соответственно, в чем? В подчинении, голубчик, в подчинении. В однородности вкусов, в стандартизации рефлексов. Надо ввести повсеместно единую сигнальную систему – за этим и нужен авангард. Ведь зачем-то авангард нужен, если его социалистическую сущность отменили.

– Значит, – спросил я, – эти полоски и квадратики – вроде общественной сигнальной системы? Как флажки во флоте?

– Так и есть, голубчик. Необходимая для власти вещь. Искусство всегда ровно такое, какое необходимо обществу. Ваши статьи, пестрые игрушки, яркие квадратики. А еще что нужно? Налоги, голубчик, налоги. То самое, что вводил в безмерном количестве наш уважаемый император Петр. Вот где реальность, и другой реальности нет.

– Вы это к чему говорите, Сергей Ильич?

– Да, к чему я все это говорю... – Татарников задумался, почесал лысеющий затылок. – Сам пока не пойму. Стараюсь представить зрителей на выставке. Выставка фиктивного барахла, продается за фиктивные деньги. Сами люди представляются не тем, что они есть... Но реальность обязана присутствовать. Вот я ее и ищу, голубчик.

– Вот и доberman ее стал искать. Не нашел.

– Видите? Собака фиктивный след взять не может – ей реальность нужна.

– Не томите, Сергей Ильич! – я уже понял, что Татарников знает ответ, любил он потянуть время. Ох, не хотел бы я попасть на его лекции!

– Просто все, голубчик. Еще проще, чем троянский конь. Никакого Семена Аркадьевича Башлеева в природе не существовало. Этот бизнесмен – фантом, призрак. Его выдумал Ефрем Балабос, чтобы не платить половины налогов: завел фиктивного партнера, а как нужда в нем прошла – партнер испарился вместе с долгами. Балабос понял, что пора стать государственным капиталистом, а частную лавочку следует прикрыть. Компания Балабоса/Башлеева будет передана государству, Балабос получит приличные деньги, а Башлеева станут искать по всему свету, объявят в международный розыск.

Я слушал, открыв рот.

– Но ведь кто-то же в галерею вошел?

– Думаете? Я, например, не уверен. В современных музеях всегда полутьма, освещен объект, а людей видно плохо. Сам я не бывал, но почему-то очень хорошо себе это представляю. И главное, все люди теперь похожи. Одеты одинаково, причесаны одинаково. – Татарников поскреб лысину. – Балабос, вероятно, подошел к галеристу, представился Башлеевым, выложил на стол новую кредитную карточку – и отошел. Вот и все.

– Это понятно. – Я подивился, как точно воспроизвел Татарников события. Действительно, пропaja сенатора Башлеева обнаружилась только тогда, когда потребовалась его подпись на чеке. Хватились, а человека, который дал кредитку, – нет.

– Допустим, так и было, но зачем Балабос шел на такой отчаянный риск – его ведь заподозрили в убийстве партнера. Воображаете, как могло повернуться? Теперь олигарха посадить – что у бомжа пятак отнять, проблем нет. А сесть – это, пожалуй, похуже, чем налоги платить.

– Никакого риска. Пока компания была частная – риск был. Как раз именно этот риск Балабос и разделял с фантомом. А в том, чтобы отдать компанию государству, – риска нет никакого, тут его простят, даже если он роту Башлеевых в асфальт закатает.

– Значит, не было сенатора?

– Не было.

– Ведь фигура известная. Фотография имеется. – Вот это как раз полная ерунда. Сенаторы у нас – люди, конечно, значительные, но в их реальности я сильно сомневаюсь. Если кому-то понадобится, чихнут – вот и растаял сенатор. Такая уж природа нашего с вами отечества, голубчик. Власть – наша единственная реальность. Власть, налоги – да еще вот это, – Татарников указал на бутылку. – Разливайте. «Гжелка» не подведет, это вам не авангард.

– Так что, – не удержался я от вопроса, – и сената у нас нет, так получается?

– Знаете, мы все-таки недостаточно с вами выпили, чтобы я на этот вопрос ответил. Вот пропадет у нас сенат, пошлют вас искать пропажу, тогда приезжайте – поговорим. Бутылку «Гжелки» только прихватите – и милости прошу.

– Еще «Русский стандарт» хорош, – заметил я, а про себя подумал, что в следующий раз куплю Татарникову бутылку подороже. В конце концов, старик заслужил, что ж мы с ним все

дешевую водку хлещем. – Если у нас сенат пропадет – для такого случая я «Русский стандарт» прикуплю.

– Бросьте, голубчик! – Историк отхлебнул из стакана, подумал и сказал немного печально: – «Русский стандарт» – это очередная фикция. Стандарты у нас теперь мировые. Везде одно и то же.

Карта вин

Меня пригласили на открытие «Набоба».

То есть не совсем так: главный отдал мне свой пригласительный; на открытие ресторана, разумеется, звали только своих – рядовому журналисту путь туда заказан, а вот главного редактора крупной газеты они не прочь накормить. Приглашение было на два лица. Поскольку редактор отдела культуры Оксанка Коваленкова последнее время меня игнорирует, а все внимание отдает Сереге-фотографу, – я подумал, что воспользуюсь случаем и развлеку соседа по лестничной клетке. Надо позвать в ресторан Татарникова, пусть старик выпьет на халяву. Дороговизна спиртного была постоянной темой наших с ним разговоров.

Я ожидал, что Татарников изобразит гордость: дескать, не пойду к буржуйам, мне моей яичницы хватает. Однако Сергей Ильич, против ожидания, оживился:

– А что, и коньяка нальют? И «Русский стандарт» у них есть?

– Даже сомневаться не приходится.

– А «Суздальская особая»?

Я заверил Татарникова, что он сможет попробовать хоть двадцать пять сортов водки, и мы тронулись в путь.

Кеша Паршин, больше известный под кличкой Флорентиец (отличался необычной для его среды тягой к прекрасному; опера рассказывают, свой первый особняк он купил именно во Флоренции, что не вполне типично для вора в законе), открывал уже пятый ресторан в Москве.

Разумеется, ни намек на индийскую кухню: Кеша предпочитал средиземноморские продукты; слово «Набоб» просто выражало для него крайнюю степень роскоши; поговаривали также, что в названии ресторана Кеша увековечил свой триумф над бывшим компаньоном Бобом Коптевским; легко вообразить, что именно со словами «На, Боб!» Флорентиец всадил в товарища отвертку. С отверткой в печени и нашли Боба в загородной сауне. Отвертка, кстати сказать, была итальянского производства, но след этот никто не взял – вроде бы нити вели к Флорентийцу, но улики сочли недостаточными.

Все это я рассказал Татарникову по дороге.

– Значит, Флоренцию любит, – сказал Татарников и почесал лысину, – все, что вы рассказали, действительно указывает на кровное родство Кеши с семейством флорентийских Медичи.

– Как это? – А так, можно не опасаться, что отравят. Травили венецианцы, это у них было возведено в ранг искусства, а флорентийцы – люди попроще: пользовались кинжалом и шпагой. Отверткой – в самом крайнем случае.

– А как же Екатерина Медичи, отравительница? – Историю я знаю плохо, но роман «Королева Марго» читал не раз и мнение о Медичи составил.

– Бедная женщина! – пожалел Татарников. – Попала на чужбину, пришлось выкручиваться. Муж размазня, рано овдовела, вокруг интриги. Кое-как переняла обычаи чуждой земли. Нет-нет, голубчик, Екатерина – исключение, которое лишь подтверждает правило. Если вы хотите узнать про Медичи...

В этот момент мы уже подъехали к ресторану – а то бы он меня до смерти заговорил. Тут ни яда, ни кинжала не требуется: дайте Сергею Ильичу пару часов, и старый лектор любого заговорит.

Флорентиец встречал гостей у входа, некоторым просто жал руку, с иными обнимался по-братски. Меня, он, разумеется, рукопожатием не удостоил – умеют эти люди сразу определить тебе цену. Кеша взглянул на меня – и, уверен, содержание моей сберкнижки стало ему известно до копейки. «Садитесь на свободные!» – только и сказал Флорентиец. Я обиделся: все-таки старался выглядеть прилично: надел глаженные брюки и практически новый пиджак;

не помогло. Я подумал, что Сергея Ильича сейчас прогонят, – и мне стало стыдно: как я мог привезти домашнего, равнодушного к свету Сергея Ильича в этот притон? Я уже открыл было рот, чтобы упредить события: «Пойдемте отсюда, Сергей Ильич!», – хотел я сказать. И не сказал: отвернувшись от меня, Флорентиец направился к Татарникову и обнял его; прижал к сердцу, похлопал по спине. Он держал Сергея Ильича в объятиях минуты три – дольше, чем прочих, и все это заметили. Татарников отнесся к проявлению сердечности с некоторым неудовольствием, он вообще не любит фамильярности; мы с ним знаем друг друга десять лет – а все на «вы». Татарников перетерпел объятия Флорентийца и, мягко отстранив его, сказал «здравствуйте». Возле Татарникова мгновенно возник водоворот светских людей – каждый норовил представиться. Сергей Ильич вежливо улыбался, но руки никому не подал. И тем не менее его появление вызвало у общества восторг. Я давно замечал, что феноменальное равнодушие Татарникова к гардеробу играло фактически ту же роль, что для иных дотошное следование моде. Длинный сутулый человек в поношенном пиджаке с заплатами на локтях привлекал не меньшее внимание, что и красавец в костюме от Бриони. Иным надо перепробовать сотню туалетов, чтобы добиться такого же эффекта, какого добивался Татарников застиранной рубашкой и брюками с пузырями на коленях. Значит, может себе позволить, рассуждали светские люди, провожая Татарникова завистливыми взглядами. Бог знает, за кого принял Флорентиец моего милого Сергея Ильича, только он самолично повел историка к столу в центре зала. Я обомлел. Было очевидно, что он принял Татарникова за кого-то другого, – небось, где-нибудь на пересылке встречал похожего человека – ох, что будет, когда ошибку обнаружат!

Что до Татарникова, то он неудобства не чувствовал ни малейшего. Ему было совершенно безразлично, идет ли он рядом с миллиардером, журналистом, вором или председателем Сбербанка. Сергей Ильич рассеянно разрешил Флорентийцу взять себя под локоть, и они двинулись через зал, а толпа изумленных гостей расступалась перед этой странной парой. Татарников, полагая, думал в этот момент о чем-то постороннем, так с ним часто бывало. Иной раз во время оживленной беседы он словно отключался, а когда его спрашивали, о чем он думает, отвечал, например, так: «Вспоминал один эпизод кельтской мифологии», или еще что-нибудь в этом роде. Так он и шагал подле матерого Флорентийца, а потом, вспомнив, что пришел в ресторан не один, остановился и сказал: «Да я тут, собственно, со спутником». Флорентиец проявил несказанное радушие – кивнул кому-то, щелкнул пальцами, и меня разыскали в толпе, и совсем не для того, чтобы (как бывало не раз) вывести вон, а напротив, – проводили в центральный зал, к центральному столику. Татарников уже сидел в огромном кресле и с интересом изучал меню, а за его спиной склонился не какой-нибудь официант, а сам метрдотель.

– К фуа-гра возьмите эльзасское, рекомендую, – шептал он на ухо историку. – А из красных посоветую шато петрюс восемьдесят шестого года.

Татарников читал меню с нескрываемым интересом. Сергей Ильич говорил практически на всех живых языках и на двух-трех вышедших из употребления. Кажется, санскрита он не знал, но латынь, древнегреческий и иврит были для него столь же привычны, как для присутствующих феня. И однако, при всем обилии знаний, Татарников, разумеется, не понял ни слова в красивой папочке, каковую ему вручили, – он внимательно, как профессиональный эпиграммист (слово я подцепил из разговоров с Сергеем Ильичем), изучал страничку за страничкой. Наконец сдвинул очки на кончик носа и, глядя поверх стекла, сказал:

– У вас тут, вижу, все имеется.

– Стараемся! – Метрдотель улыбнулся Татарникову.

– А водочки у вас нет? Года так восьмидесятого? Помню, славная была тогда водка «Московская», потом куда-то делась.

Я было решил, что вот тут-то нас и разоблачат, – ну не может современный вор в законе хлестать водку, если ему дают шато петрюс. Однако метрдотель отнесся с пониманием, наморщил лоб.

– «Московская»? А «Русский стандарт» не подойдет?

– Ну, – сказал Татарников обиженно, – если уж у вас «Московской» нет...

– Поищем. – И метрдотель сорвался с места, бросился отдавать распоряжения. Не знаю уж, что они там такое учудили, шофера ли сгоняли к трем вокзалам, или портье купил бутылку у таксистов, только через пять минут запотевшая «Московская» стояла на столике.

– А вам? – Это уже метрдотель обратился ко мне.

Было бы глупо не использовать возможность: я попросил дюжину устриц, бутылку шабли, фуа-гра, бифштекс по-флорентийски, бутылку шато петрюс, колбасу мортаделла и соленые огурцы.

Список блюд помню досконально – прежде всего по тому, как дико посмотрел на меня метрдотель, когда после бифштекса я заказал колбасу. И, понятно, соленые огурцы тоже ввергли его в изумление. Не мог же я объяснить этому господину, что вареная колбаса с огурцами – единственное, что в принципе может здесь есть Сергей Ильич. Не уверен, что Татарников когда-либо пробовал итальянскую колбасу, – но я надеялся, что разницы с отечественной он не заметит. Я выдержал взгляд метрдотеля и хладнокровно повторил заказ.

– Колбасы, грамм триста, – сказал я, и метрдотель поглядел на меня с ненавистью.

К тому времени как подали заказ, за наш столик уже сели другие гости. Потом подошел и хозяин. Считается, что хозяин должен обойти все столики за вечер: посоветовать блюдо, поинтересоваться, как и что. И действительно, Флорентиец перемещался по залу, но, дойдя до нас, обосновался надолго – сел рядом с Татарниковым, налил себе красненького.

Потом представил нам соседей. Возле меня сидела француженка Ирэн, пожилая крашеная дама в бриллиантах. Рядом с ней немецкий банкир, дяденька с рыжими усиками. А между банкиром и Татарниковым – известная в столице личность, Витя Могила, который дважды безуспешно баллотировался в депутаты Государственной думы и удовлетворился должностью начальника таможни. Затем – Татарников, затем – хозяин, и, наконец, я. Чтобы не привлекать внимание Флорентийца, я сосредоточился на соседке, ухаживал за ней как мог. Предложил даме шабли и фуа-гра, и дама с отменным аппетитом слопала всю мою порцию и уговорила за пятнадцать минут полбутылки. Я двинул на середину стола блюдо с устрицами – мол, угощайтесь, и гости налетели на устрицы, словно их с неделю голодом морили. Я только одну и успел попробовать.

Сергей Ильич флегматично прихлебывал водку, и наши сотрапезники старались на него не смотреть. Я их прекрасно понимал: кому же будет приятно терпеть такое соседство – в мятом пиджаке, жеваных штанах сидит неопрятный субъект и пьет водку. В самом деле, господа, здесь все-таки дорогой ресторан, а не буфет вокзальный. Однако Татарников был безразличен к тому, какое впечатление производит. Он наполнял стакан, переливал в себя содержимое, закусывал огурчиком – словом, держался так, словно был у себя на кухне. И только Витя Могила, человек бывалый, наблюдал за Татарниковым с сочувствием, я бы даже сказал – с завистью. Видимо, облик русского пьяницы пробудил в криминальном авторитете память о молодости. Витя Могила осведомился:

– Водку пьете?

– Ее.

Могила с любопытством всмотрелся в этикетку, заметил:

– Никак, «Московскую» употребляете?

– Как видите.

– Где только отыскивали!

– Раритет, – согласился историк.

– И как вам?

– Нормально.

– Плесните мне, что ли. Молодость вспомнить.

Татарников налил Могиле несколько капель, тот внюхался в напиток, поморщился.
– Золотые были денечки!

Немец, сосед Могилы, неодобрительно покосился на бутылку с белой жидкостью и отвернулся – потянулся к красному вину, продукту цивилизации и демократии.

– Ваше здоровье, – Татарников опрокинул в себя очередной стакан.

– Позвольте тост, – сказал немецкий банкир Клаус и приподнял бокал шато петрюса, – я пью за нашего...

Он, вероятно, собирался сказать «нашего хозяина», так, во всяком случае, я подумал, но узнать доподлинно, кого именно банкир имел в виду, нам не удалось. Немец захрипел, его розовое лицо побагровело, зазорные усики поникли, и он грохнулся на пол, расплескав вино. Задергался, зацепил ногой соседний столик, опрокинул на себя блюдо спагетти с морепродуктами, вытянулся, посинел и затих.

Вы бы видели, что тут началось! Если кто подумает, что мужчины бросились за врачом, а дамы завизжали, – ошибется. Моя соседка даже не ахнула, достала лорнет и принялась изучать лицо покойного так внимательно, словно сейчас он ей стал намного интереснее, чем прежде. Витя Могила мгновенно выхватил из-под смокинга пистолет, причем, что характерно, с глушителем. Я оглянулся по сторонам. Примерно у половины присутствующих в руках появилось оружие, а пожилой благообразный господин за соседним столиком, которого все именовали «меценатом», держал в каждой руке по гранате.

Флорентиец успокоил публику одной фразой и одним жестом – он распахнул пиджак, показывая, что не вооружен, и просто сказал:

– Это не я.

Гости спрятали оружие, спагетти с морепродуктами убрали с пола, лужицу красного вина ликвидировали, труп перенесли в соседнее помещение – и волнение улеглось. Большинство вернулись к еде, а Флорентиец, извинившись, направился к телефону и принялся звонить по разным номерам – в милицию, адвокату, знакомому прокурору, прикормленным депутатам, словом, повел себя адекватно.

Приехал прыщавый следователь Гена Чухонцев, за которым окончательно закрепилась кличка Чукча: за три года нашего знакомства он так и не раскрыл ни одного громкого дела. Или ему не давали?

Огляделся, побродил по залу, сел за наш столик, на место покойного.

– Подбросишь идейку? – спросил Гена. Я сочувствовал парню: когда он смотрел на Флорентийца, лицо у него выражало примерно следующее: «А можно, я уже пойду?». Если бы он видел, сколько оружия здесь было полчаса назад, он бы еще больше расстроился. Не любил он с бандитами связываться – а зачем в следователи подался, сам не знал. Однажды он мне признался, что мечтал пойти в балет. Ну, сегодня он потанцует, подумал я.

– Какие тут идейки? – сказал я Гене. – Отравился мужик. Или отравили.

– Отравился... – Гена вообще тугодум, все повторяет раза по три. – Как вариант. Отравился, например, устрицами. Я читал, такое бывает. Несвежая одна попалась... – Гена с надеждой смотрел на Флорентийца. Как бы хорошо все устроилось: несвежая устрица – и дело закрыто.

– Отравиться устрицами нельзя, – с достоинством сказал Флорентиец. – Самолет вылетел из Ла-Рошели, аэропорт Лалю, в девять утра. В три часа дня – Шереметьево. В семь утра поймали, в семь вечера подали. В Париж поездом и то дольше выходит.

– Отравиться нашими устрицами! – ахнул метрдотель. – Пройдите на кухню, мы при вас все откроем!

– Даже если бы отравился устрицей, – заметила француженка Ирэн, – сразу бы не помер. Через два часа в туалет бы сходил – и все. От тухлой устрицы губы не синеют.

– От вина губы синеют, – зачем-то сказал я. Я давно заметил, что от красного вина губы делаются синими. Но, конечно, не настолько.

– Цианид? – произнес Гена робко. Он неуверенно взял бутылку шато петрюса и понюхал. – Как вариант... Цианид в красное вино... Миндалем должно пахнуть... Не пахнет...

– Я сам пил из этой бутылки, – сказал я Гене.

– И я тоже, – сказал Витя Могила, – и еще выпью.

Он налил себе полный бокал шато петрюс и с видимым удовольствием высосал до дна. Следователь Гена следил за ним – не помрет ли. Не помер, а закусил колбаской, потом налил еще бокал, снова выпил, а метрдотелю сказал:

– Слетай, дружок, еще за одной. Неплохой у Флорентийца погребок.

– А что он заказывал? – спросил Гена.

Выяснилось, что немец, француженка и Витя Могила сделали свой заказ, но не дождались. Все произошло стремительно. Пока ждали заказ, они угощались моими блюдами – Ирэн слопала фуа-гра, немец с Могилой ударили по устрицам, совместными усилиями прикончили шабли, перешли на красное. Могила тяпнул еще пару рюмок водки – видать, вспомнил буйную молодость. Все это заняло минут десять – тут немец и свалился. А заказывал он форель, вот жаль – не попробовал.

– Соленые огурцы кто ел?

Татарников поклонился.

– И водку пили? – спросил следователь. Посмотрел на этикетку. – Где вы только эту дрянь откопали? Ее уж не производят.

Метрдотель развел руками: дескать, желание гостя. Захотел гость водки выпить.

– Не отрицаю, – сказал Сергей Ильич, – пил. Знаю, многие считают этот напиток ядом. Но, уверяю вас, действие яда замедленное. Употребляю последние тридцать пять лет, и пока цел.

– И колбасу ели?

– Вот не успел попробовать!

– А что за колбаса, кстати?

– Обыкновенная мортаделла.

Даже несведущий в языках Гена поднял брови.

– Морта... что? Дело? Морта-дело? Смертельное дело, правильно понимаю?

– Просто сорт такой, – метрдотель объяснил.

– Ах, так... Сорт такой... Интересный вариант... – Гена озирался по сторонам и не знал, что предпринять. – Зачем он в Москву приехал, немец этот? Пообедать?

– Контракт со мной подписывать, – любезно объяснил Могила. – Я открываю таможенные терминалы в Калининграде.

– Частные таможенные терминалы?

– Ну что вы, конечно нет! Таможня – дело государственное. Но внимание особым клиентам мы можем оказать – растаможка вне очереди, например. Сопровождение ценных грузов. Я предложил Клаусу пакет услуг, и он заинтересовался.

– Он также собирался приобрести мою квартиру, – добавила француженка. – Я давно купила в Москве квартиру с видом на Кремль и искала возможность ее продать. Квартира ему понравилась, мы практически договорились.

– А со мной у него намечался совместный бизнес, я хочу открыть в Берлине сеть ресторанов, – сказал Флорентиец. – Как видите, никому из нас не выгодно было господина Клауса отравить.

– А вы? – спросил следователь Татарникова.

– Мы вместе пришли, – поспешил я объяснить.

– А зачем пришли? – прямо-таки с настойчивостью спросил Гена Татарникова. – Вы уверены, что раньше покойного не видели?

– Советую, – сказал Флорентиец, – взять пробы всех блюд за этим столом. Проведите вскрытие, узнайте, какой яд использовали. Возьмите отпечатки пальцев с осколков стакана, вдруг еще кто-то стакан трогал. Наконец, советую взять с нас пятерых подписку о невыезде. Вполне вероятно, что один из нас – убийца.

– Не исключено, – сказала француженка, – что его отравили утром, а яд подействовал здесь. Некоторые яды действуют медленно.

– Бывали случаи, – заметил Могила, – что отравленной иглой ткнут. Посмотрите, может, след найдете. Иглой или, – он посмотрел внимательно на Флорентийца, – отверткой.

– Отравленной отверткой? – заозирался Гена.

– Бывали такие случаи.

Гости принялись вспоминать эпизоды криминальной хроники, Могила рассказал несколько таких историй, от которых у Гены настроение вовсе испортилось.

И тут Татарников явственно всхрипнул. Я уже минут пять наблюдал, как он клует носом.

Татарников, признаться, несколько окосел от «Московской»; он откинулся на стуле, свесил голову и похрапывал. В лучшие свои годы он спокойно выпивал бутылку и вел беседы о древних кельтах – но возраст есть возраст; сегодня ему трех стаканов хватило.

– Не спите, Сергей Ильич, – попросил я.

– Я не сплю. Я думаю, – отчетливо сказал Татарников, не открывая глаз.

– Эх, Сергей Ильич, думайте быстрее, – сказал я ему, – а то с нас уже подписку о невыезде берут. Попали мы с вами в круг подозреваемых. По всему выходит, повод убить немца имелся только у нас. Сейчас нам Гена дело пришьет.

– Значит, имелся повод... – Татарников глаз не открывал. – Любопытный парадокс, не находите?

– Какой именно?

– Благородное вино пьют и помирают, а грубую водку пьют и засыпают. Должно бы быть наоборот, не находите? Это классический исторический парадокс, между прочим. Скажите, голубчик, Флорентийская республика чем интересна?

– Простите, Сергей Ильич, затрудняюсь.

– А тем она интересна, что мы о ней только хорошее помним. Медичи – они и смелые, и мудрые. Помните, я вам по дороге рассказывал, какие это были прямые люди. Ну, прямо как русские бандиты, да? Люди чести. Кстати сказать, мафиози так себя и называют сегодня – люди чести. Это, полагаю, ренессансная традиция. Так-то, голубчик.

– Сергей Ильич, – вечно он начинает лекции читать, когда от него одного слова ждут, – что вы время тянете!

– Я рассуждаю. Так вот, голубчик, я и подумал, что представления о прямоте флорентийцев преувеличены. Так-то.

Татарников повернулся к Гене.

– Знаете, голубчик, вы возьмите мою бутылку на экспертизу – в ней наверняка найдете яд. Тот самый, которым немца отравили.

Гена вскочил, и все гости пришли в движение.

– Признаетесь, что отравили?! – Это следовательно Татарникову крикнул.

– Что вы, голубчик! Но, думаю, знаю, кто отравил. Меня отравил и всех прочих.

– Что вы несете?

– Был во Флоренции такой милый обычай: на грязную работу нанимали чужих солдат. Кондотьера Малатесту благородный Медичи нанял на разграбление Вольтерры, помните? Ах, не помните. Ну, это потому, что в школе не учились. Флорентийцам всегда нравилось сохранять вид благородных мужей, а пакостить чужими руками.

– При чем тут Вольтерра? При чем кондотьеры? – Голубчик, как вам не стыдно! Вы не только невежественный человек, но даже когда вам рассказывают интересные вещи, не желаете стать чуть-чуть умнее. Объясняю. Город надо было взять и жителей убить. Но сделать это надо так, чтобы самому остаться в стороне. Здесь, в ресторане, была схожая задача. Надо убить – но желательно чужими руками.

– Не томите, Сергей Ильич!

– Я сразу понял, что я хозяину зачем-то нужен. А когда мне принесли «Московскую», уверился окончательно. И я подумал, а в чем такая моя особенность, что меня выделили из всех гостей? И догадался: по мне видно, что я выпиваю часто, водочку люблю. Тут уж не спрячешь ничего, все у меня на лице написано. Я попросил «Московскую», и знаете почему? Этой водки в природе уже давно нет, и достать ее они не могли. У нас в городе все есть: яды есть любые, золота и бриллиантов неслыханно, машины роскошные, квартиры по пять миллионов – а вот «Московской» водки нет. Спрашивается, где они ее искали десять минут? А нигде не искали, напечатали на компьютере этикетку, наклеили на бутылку. Работа для девочки-секретарши пустяковая: нашли по интернету, как выглядела этикетка, распечатали – и порядок. Но только «Московская» продавалась в таре по ноль-пять, а мне принесли ноль-семь. Я все-таки историк, голубчик, мне подробности интересны. Им очень было нужно, чтобы я водку пил, очень нужно.

– А зачем?

– А затем, что, кроме меня, в средиземноморском шалмане водку никто не пьет. И яд можно подсыпать ко мне в бутылку без риска отравить ненужного гостя. И еще. На бутылке водки отпечатков, кроме моих, быть не может. Тут уж не промахнешься. Они полагали, что когда я стану водку пить, один из гостей соблазнится и тоже попробует.

– Но немец водку не пил!

– Послушайте, голубчик, никто и не собирался убивать вашего немца! Кому он нужен?! Собирались убить – как вас, простите, зовут? – да, вот именно этого господина – Могила. Расчет был прост: меня не жалко, а Могила может водкой соблазниться. Он и сам попросил водки из моей бутылки. Правда, Могила здесь чувствовал себя неуютно, ел только то, что все едят. Осторожный Могила захотел попробовать напиток на соседе – перелил немного водки немцу в красное вино. Немец попробовал и помер.

– А я почему не умираю? – Могила изумился. – Да потому же, почему и я пока что не помер. Это, кстати, тоже из итальянской истории. Некоторые специально к яду себя приучали – на всякий случай. Пили понемногу, тренировали организм. Вот так и со мной. Давно пью. Проспиртован насквозь, голубчик, не берет меня ваш яд. Подействует, конечно, но очень небыстро, думаю, до врачей доехать успеем. А вот на немца подействовало сразу.

– Так я уже три года как завязал. Крепкое редко употребляю. – Могила как-то грустно это сказал. – Я на бордо перешел. На кьянти.

– Напрасно, голубчик. Неразумно. Зачем же вы, простите за прямоту, русский бандит, пьете эти зарубежные напитки? Как неосторожно, голубчик! Не следует русскому бандиту изменять своей природе! А то повадились средиземноморское кушать. – Татарников с сожалением поглядел на бледного Могила. – Напрасно вы на кьянти перешли, голубчик. Это значит, яд может скоро подействовать.

Сказал – и на наших глазах изменился облик Могила. Он как-то весь сник, опустились руки, взгляд погас.

– Я еще живой... – сказал Могила, потянулся за пистолетом, и тут его стало корчить, как банкира Клауса. Он рухнул на пол, вытянулся и помер.

Флорентиец сопротивления не оказал, сам протянул руки следователю – мол, давайте ваши браслеты. Уходя, обернулся к Сергею Ильичу:

– Вы мне сразу понравились. Оставайтесь, покушайте еще. Крабов рекомендую.

- Да не любитель я средиземноморской кухни! – сказал Татарников. – Вот разве еще по одной. Огурчики там остались?
 - Так яд же! – схватил я Татарникова за рукав.
 - А будет вам! Что русскому здорово...
- И он плеснул себе в стакан отравленной водки.

Путешествие из Москвы в Петербург

Татарников зашел ко мне вечером, часов так в восемь.

– Хотите в Ленинград прокатиться?

– В Санкт-Петербург? – уточнил я. – Так я там бывал.

– Называйте как хотите, через два часа еду на шикарном поезде, завтра вечером обратно.

У меня днем доклад, – сказал Татарников.

Я давно слышал от соседа про питерскую конференцию, месяцев шесть назад заставили его написать тезисы, умеют историки растягивать удовольствие; все у них заранее расписано. Я корреспондент отдела криминальной хроники, мне и завтрашний-то день планировать не приходится.

Я пораился, что Сергей Ильич вообще куда бы то ни было едет, – выманить его из квартиры не представлялось возможным. Любую активность он считал суетой, публикации свои не продвигал и карьеру делать не желал. «Гомера вон тоже не печатали, – говорил он обычно, – а автор, между нами говоря, неплохой».

– Я уж лет десять на конференциях не бывал, – словно в оправдание своей суетливости заметил Татарников. – Просто тут тема такая интересная, всю жизнь ею занимаюсь. Не устоял.

Я понял, зачем он меня зовет. Ну, во-первых, ему было приятно показать мне, что он востребован, не вовсе мхом зарос. Во-вторых, он хотел мне сделать подарок – а при его бедности подарок сделать непросто. Здесь же все складывалось удачно: спонсором конференции выступала не Российская академия наук (у наших академиков денег все меньше, нефтью они не торгуют), а ирландский университет – они и закупили сразу целый купейный вагон. Причем и поезд особенный, так называемый «александровский», первый в России частный поезд.

Выяснилось, что в купе Татарникова есть одно свободное место – вот Сергей Ильич и поспешил меня облагодетельствовать. В Питер мне не хотелось, но и расстраивать соседа тоже.

– Ну и вообще, в купе приятно, соседи хорошие. Вот огурчиков взял, бутылочку, – застенчиво сказал Сергей Ильич. – Теперь все больше самолетами летают, а в поезде как хорошо! Поговорим вечером, по рюмочке выпьем.

В конце концов, чем плохо? Я на подъем легкий, позвонил главному и сказал, что готовлю репортаж «Путешествие из Москвы в Петербург», ничего идейка, а? Взял рубашку, бритву, носки – вот я и готов.

И действительно, отчалили в одиннадцать. Поезд был и впрямь хорош: названный в честь одного из российских императоров (которого именно, я историка спросить не решился: сначала высмеет, а потом начнет лекцию толкать). Спросить не спросил, но вскоре Сергей Ильич мне показал на портрет императора в золотой рамке. «Обратите внимание, – сказал, – поезд, оказывается, имени Александра Освободителя! Удивительно: я-то думал, они в честь Александра Первого назвали». Да, это вам был не общественный транспорт! В тамбуре никто не блевал, в бачке унитаза была вода, окна открывались, белье чистое – словом, необычный поезд. Мореным дубом обшитый вагон, бархатные занавески; проводники как на подбор: двухметровые красавцы с галунами, как в королевской гвардии, – рассказывают, зимой им соболями шапки выдают. С нашим проводником – Севай – я тут же и разговорился, взял коротенькое интервью. Раньше он работал на «Красной стреле», но переманили его из государственной компании в частную лавочку. «А платят как?» – «Могли бы и побольше, – сказал Сева с досадой. – Себе столько гребут, что в глазах темно!»

До трех ночи сидели мы с историками за бутылкой. Причем бутылка оказалась не одна, сосед наш, доцент Панин вынул коньячок, а доцент Волобуев, скупердяй, побряхтел и достал из кармана крохотный мерзавчик водки. Литровая бутылка Татарникова была главным угощением – а влив в себя еще и коньяк, я почувствовал, что норму свою выполнил. Повалился на

нижнюю полку и тут же уснул, а они, видимо, еще часик посидели – в бутылке еще кое-что оставалось.

Проснулся часов в шесть утра, от голосов. Панин громко говорил, Сергей Ильич что-то с верхней полки обиженное талдычил. Рано прения у них начались, подумал. Однако дело тут было не в научных проблемах.

У Татарникова под утро пропали штаны. Захотел историк в туалет прошвырнуться – а штановто и нет. Происшествие вроде бы пустяковое, не убийство, не кража алмазов из Оружейной палаты. Однако без штанов жить неудобно, далеко не уйдешь. Татарников свесил тощие ноги с полки, беспомощно огляделся.

– Я их вот сюда повесил, – сказал печально и полез обратно под одеяло.

– Так наденьте другие, Сергей Ильич! – посоветовал ему доцент Панин, добрая душа.

– Нет у меня других штанов, – ответил Сергей Ильич.

– Как это? – не понял доцент. – С одной парой штанов живете?

– Дома еще одни штаны есть, а здесь нет.

– Как же это вы на конференцию с одной парой едете?

– А сколько штанов надо, чтобы доклад сделать? – злобно отозвался Татарников с верхней полки. – В одних штанах вступление читать, в других – основную часть? А на прения третьи брюки надевать, так, что ли? Извините, не обучен я среди дня штаны менять.

– Ну, если так рассуждать... – задумался доцент.

Сам он волок на конференцию кофр размером с полкупе, уж и не знаю, чего он туда напихал. На вид мужчина тщедушный, одежды ему нужно немного, а вот поди ж ты, набрал барахла.

– Зачем мне двое штанов брать? – говорил Татарников. – Мы ведь в Ленинграде всего один день. С поезда на доклад, с доклада на поезд. Ну не ожидал я, что сопрут штаны.

– В России живем, – заметил историк Волобуев. – В России всегда воруют.

– Так ведь последнее время воруют по-крупному. Скважины воруют с нефтью, пенсионные фонды тырят. Штаны-то кому понадобились – странно! Думаю, это свидетельство упадка. Они у меня, как бы это сказать, не очень новые. Не особенно модные, – Татарников задумался. – Это сколько ж мы вчера выпили, что я штаны потерял! Вроде все помню... Снял я их, значит, повесил вот здесь, – голос у него был очень растерянный. – Не в трусах же мне на перрон идти! Когда поезд приходит?

– Через два часа.

– Ну и приключение!

– Купе мы на ночь запирали, – пустился в рассуждения Волобуев. – Не могли ваши штаны через окно выкрасть. Хотя, с другой стороны, в Твери мы долго стояли. Окно у нас приоткрыто, духота. Может, местная шпана исхитрилась – палку в окно просунули, поддели штаны.

– А зачем? – Панин спросил.

– Думали, деньги есть в карманах. У вас там деньги были?

– Были, – горестно сказал Татарников, – пятьдесят рублей.

– Ну это не деньги!

– Кому как.

Волобуев с Паниным тем временем оделись, отправились умываться – один налево пошел по вагону, другой направо. А мы с Татарниковым остались вдвоем.

– Скорее, Сергей Ильич! – крикнул я. – Посмотрим, куда он ваши штаны спрятал!

Я кинулся к чемодану Панина, открыл замки.

– Да вы с ума сошли, голубчик, на кой ляд ему мои штаны? Не трогайте чужие вещи! Не смейте! Стыд какой!

– Ничего вы не понимаете, Сергей Ильич, наивный вы человек! Вы же ему конкурент! Он вас до конференции допустить не хочет! Как ему после вашего доклада выступать? Осрамится доцент, засмеют! А так – просто и красиво. Штанов у докладчика нет, доклад делать не может.

Говорил, а сам возился с замками. Открыл последний, откинул крышку – и на тебе! Чего нет, так это штанов Татарникова – зато много чего другого имеется. В чемодане доцента обнаружил я ворох женского белья. То есть, это мне сперва показалось, что ворох, на самом деле просто набор лифчиков – кружевные, шикарные дамские лифчики. Ну, дела, думаю. Вот ему зачем большой багаж – сразу два гардероба приходится возить: мужской и женский. Днем он доклады читает, а по вечерам на каблучках в порту разгуливает.

– А доцент, – сказал я Татарникову, – оказывается, у нас парень с фантазиями. Он что, трансвестит?

– Какой еще трансвестит?

Я объяснил, показал лифчики, и тут же захлопнул чемодан: дверь в наше купе открылась и вошла целая делегация. Тут был и Панин, и Волобуев, и дамы из соседнего купе – Савраскина, Пиявкина, Голубкина и Семеренко. Все как на подбор доктора наук, профессорши, все в очках.

– Да не волнуйтесь вы так! Ну украли вещи, неприятно, конечно. Вот и у нас пропажа, – втолковывал им Панин, – брюки исчезли среди ночи.

Дамы орали так, что разобрать ничего было нельзя, громче всех визжала Семеренко, но и Савраскину голосом не обидели, звонкий голосок у доктора наук.

– Он импортный! – наконец разобрал я, что орет Савраскина. – Фирма Армани! Сто баксов стоит!

– А у меня вообще Версачи!

– А у меня блузки все прозрачные, я без бюстгалтера ходить не могу!

Оказалось, ночью у дам сперли лифчики – у всех четверых. Я отлично знал, где они, но как скажешь? И тень бросать на доцента не хотелось. Уже то было понятно, что он не трансвестит, но, вероятно, фетишист – тоже склонность незаурядная. Ночью, стало быть, вышел доцент из купе, залез к докторицам и нижнее белье утащил. Может, у него дома коллекция? Сидит по вечерам, разглядывает. Нравы научного сообщества меня, скажу откровенно, потрясли. Нет, в преступной среде (а мне по журналистскому долгу приходится с такими деятелями общаться, ахнешь!) тоже попадаются люди с причудами, воруют портмоне, сумочки режут направо и налево. Но чтобы немолодой доцент ночью лифчики воровал – такое, извините, нечасто наблюдаешь.

Докторицы орут, Татарников сидит, поджав ноги, на полке, поезд приближается к Санкт-Петербургу. Пришел проводник Сева, повертел головой.

– Опять, – говорит, – кражи? В этом поезде всегда воруют. Ночами не сплю, караулю. А все равно крадут.

– Как же так? – Я ему сказал. – Такой у вас поезд шикарный.

– Вот так, – говорит. – Фасад красивый, а нутро гнилое.

А тут еще кто-то грохнулся в коридоре, и шуму столько – словно посудный шкаф упал. Бросились смотреть, что за шум. Оказалось, профессор Киселев свалился, тучный мужчина. Сидит на полу, руками шарит вокруг, ничего не видит: очки у него ночью украли. Он, слепой как крот, хотел до проводника дойти – и упал.

– Я, – говорит Киселев, – очки рядом положил. Проснулся, а их нет.

– Подумаешь, очки! – вопит Семеренко. – У меня бюстгалтер пропал! Я в газету напишу! Я до президента дойду!

Тут уж я решил, что кражи имеют системный характер – моего опыта на такой вывод хватило. Показал им лифчики (докторицы успокоились, отправились одеваться) и предложил поразмыслить, что бы все это значило.

А через минуту еще одна пропажа обнаружилась – мелочь, конечно, но обидно. Тем более что спустя короткий срок выяснилось, что это и не мелочь совсем.

У Волобуева из книжки-органайзера, куда он все даты и встречи записывает, вырвали блок страниц – аккурат весь месяц август. Волобуев очень переживал: у него, оказывается, в органайзере мысли были записаны: как нам в шестьсот дней изменить Россию, и именно на месяц август приходились самые конструктивные предложения. Кое-что из написанного он, конечно, помнит, а некоторые пункты начисто забыл. Попробовал восстановить: что-то такое там было о земствах, о местном самоуправлении – нет, не может вспомнить! Послушав, как Волобуев убивается, я тоже приуныл; опять не удастся нам переделать Россию, опять сорвалось дело. И все вор! Вор вагонный виноват! Доклад Татарникову сорвал, будущего страну лишил, мазурик!

– Ну что вы так расстраиваетесь, – подал сверху голос Татарников. – Сядьте, да еще раз свой план спасения Отчизны напишите. Россия подождет, она барышня терпеливая.

– Не могу! – крикнул Волобуев и заломил руки.

Оказалось, не все так просто. Конечно, Волобуев может попытаться сочинить план заново – но он уже неоднократно пытался, в течение долгих лет работал над планом преобразований, и ничего не выходило. А тут вдруг спелось как песня, сложились сами собой прозорливые мысли! И – на тебе! Выкрали.

– Не исключено, – сказал Волобуев мрачно, – что прочие кражи лишь отвлекающий маневр. Целили они как раз на мой план.

– Да будет вам! – сказал Татарников.

И правда, если задуматься, вряд ли жулик подозревал, что на волобуевских страничках написано. Такое складывалось впечатление, что хватал негодник все подряд. Просто бешеная активность у жулика – и что примечательно, совершенно бессмысленная. Штаны Татарникова он вряд ли носить станет, да и покупателей на эти штаны не найдешь. Лифчики он далеко не унес, очки с диоптриями минус пятнадцать ему явно не нужны. И странички из органайзера использовать не будет – вряд ли вор собирается менять природу России. А больше эти странички ни на что не годятся, ими и подтираться-то неудобно, жесткие. Странное воровство, неприбыльное.

– Вы тут все люди неглупые, – сказал я историкам, – так давайте рассуждать. Какой смысл во всех этих кражах? Какой-то смысл ведь должен быть! Думайте, ученые.

Они задумались, и первым версию выдал Панин.

– Пойдем, – говорит, – семантическим путем. Рассмотрим названия украденных вещей. И постараемся понять, какой текст складывается из сочетания этих наименований. Вполне вероятно, что перед нами ребус – а украденные предметы должны подсказать нужное в ребусе слово.

– Так-так-так, – Волобуев оживился. Даже забыл на время о своем горе, о погибших планах преобразования Отечества. – Значит, что мы имеем? Одни штаны...

– Ребус я решил, – скромно сказал Панин. – Брюки по-немецки – «хозе», очки – «бриллен», лифчик – «бюстгальтер». Последнее слово я делю на два корня: собственно «бюст» и глагол «халтен» – то есть, держать. Ну, еще мы имеем слово «август». Давайте теперь расположим эти слова так, чтобы в их сочетании был смысл.

– И?

– Если вспомнить, как бандиты именуют бриллианты – а используют они слово «брюлики», – содержание сообщения понятно. Хозе держит брюлики в бюсте Августа!

Кто-то передал кому-то эту информацию.

– Ну вы загнули, голубчик! – сверху сказал Татарников. – А кто такой этот Хозе?

– Вот это нам предстоит выяснить! Вероятно, скупщик краденого.

– А почему слова по-немецки?

- Так я на других языках тоже попробовал, ничего не получается.
- Бред, извините, какой! – сказал ему сверху Татарников. – Немецкое послание про испанца Хозе.
- А вот мне пришла в голову действительно простая мысль, – выступил Волобуев в роли следователя.
- Послушаем, – Панин обиделся за своего Хозе и слушал придирчиво. – Послушаем вашу версию.
- Зададимся вопросом, что общего между очками, бюстгальтером, штанами и месяцем?
- Что же?
- Принцип двойности, – торжественно сказал Волобуев. – Два стекла на двух глазах, две штанины для двух ног, две чашки для двух грудей.
- А месяц август здесь при чем?
- Второй месяц года.
- Да вы что такое городите! Август всегда восьмым был! Февраль у нас второй по счету. – Татарников сказал сверху.
- Ах, как же это я... – Волобуев опечалился, ему очень нравилась версия с принципом двойности.
- Вы еще не посчитали, что рельсов под локомотивом тоже пара, – заметил сверху Татарников. – Этот факт вам поможет, для вашей теории пригодится.
- Далеко вы с вашей двойностью уйдете! – Панин был рад неудаче Волобуева. – Напрасно вы от моей концепции отказались. Хозе, кстати, довольно распространенное имя...
- Эх, обидно, – сказал Волобуев, – а я уже решил, что кому-то посылают сигнал: «два!».
- Что – «два»?
- Ну мало ли. Просто «два». Тот, кто получает сигнал, знает, что к чему. Может, это значит, что деньги во втором купе. Или еще что. Кстати, не исключено, что месяц август выдрали из блокнота по ошибке – собирались выдрать странички с февралем. Нет, напрасно вы мою версию отвергаете!
- Что нам с вашей версией прикажете делать? – Докторы разгорячились, сидели друг против друга красные, руками размахивали.
- Знаете что, Сергей Ильич, – сказал я. – Поезд придет на Московский вокзал через сорок минут. Вы уж давайте, поднатужьтесь, придумайте что-нибудь. Без штанов нам никак нельзя на конференцию.
- Да как-то и не знаю, что сказать, – с верхней полки отозвался Татарников. – Слишком просто все.
- Ничего себе просто! Голову сломаешь!
- Просто, голубчики, просто. Я вот сразу себя спросил: «Как это так – построил железную дорогу Николай Палкин, а поезд называется по имени Александра Освободителя». Что-то странное мне здесь почудилось.
- Николай построил только первую ветку, – Панин ответил, – с тех пор уж столько всего понастроили. «Александровским» поезд, я считаю, правильно назвали – скоростной экспресс в известном смысле олицетворяет свободу. Раз – и в Питере. Скорость – это свобода. Удобства – это свобода. Свобода передвижения – это равенство и братство! – Все так, только Радищевы, всякие «Путешествия из Петербурга в Москву», нам без надобности. И поезд наш, если заметили, шел в обратном направлении. Железные дороги зачем в России нужны, кто мне скажет? – продолжал Сергей Ильич.
- Как это зачем? Людей возить. Особенно если кто летать боится.
- Это верно, только ведь кроме железных дорог в России никакого другого сообщения почти и нет. Даже если б кто и лететь не боялся, не везде он полететь сможет. Аэропорты у нас совсем не в каждом городе имеются, автотранспорт не везде пройдет. Как добраться из

Перми в Вятку? Рейсов таких нет. А из Твери в Рязань? В Сибири или, допустим, в Поволжье железная дорога – единственный вид связи. Отчего мы с байкальской магистралью столько лет корячимся – ничего иного и придумать для связи с Дальним Востоком не смогли.

– Вы это к чему, Сергей Ильич?

– А к тому, что железная дорога – это дело государственное. Николай ее построил, и дело это навсегда останется николаевским. Железная дорога в России – это своего рода закрепощение населения: поедешь только так и только туда, куда рельсы проложены. Поезд – это у нас народный транспорт. Автомобиль у среднего класса, но далеко не у всех имеется, яхты и вертолеты – для господствующего класса. А железная дорога – для остальных, их, таких вот пассажиров, миллионов примерно сто – сто десять. По всему пространству России расписаны маршруты, и ничего в них менять нельзя. Никакие Александры Освободители нашей железной дороге не требуются. Никакие частные поезда тут не пройдут.

– Позвольте, – выступил с опровержением доцент Панин, – ведь в России уже были частные железные дороги! В начале века, еще до Первой мировой! Были инициативные люди! Например, купец Мамонтов строил Ярославскую железку. И на Кавказе были частники!

Татарников только рукой махнул.

– И долго они продержались, частники эти?

– Ну, – доцент Панин шевелил губами, считал, – ну, допустим... лет пять, наверное, продержались.

– Три года, – сказал неумолимый Сергей Ильич. – Только три года, и все их добро государство к рукам прибрало.

– А сейчас так не случится! – Панин сказал свою реплику с некоторой аффектацией, словно хотел убедить не одного Татарникова, а еще кого-то. Например, себя.

– Думаете, история другой стала?

– Думаю, стала!

– Думаете, побегут частные поезда по России?

– Так вот бежит уже! Мчится!

– У генерала Деникина тоже бронепоезд ходил, назывался «Единая Россия». Ездил взад-вперед в степи по узкоколейке и ничего сделать не мог. Походил бронепоезд, и остановился.

– Наш-то поезд не остановишь!

– Во благо государства чего только не остановишь, – заметил Татарников. Он сидел на верхней полке, поджав под себя ноги, закутавшись в одеяло, и мрачно изрекал свои пророчества.

Посмотрел я снизу вверх на его длинный нос – Сергей Ильич напоминал ворона на дубу. И пророчества его были такие же мрачные.

– Есть вещи в России невозможные, – каркал Татарников. – Вот например философия. Нет в России никаких философов – только религиозные кликуши. И демократия невозможна. И частных железных дорог никогда не будет!

– Будут частные дороги!

– Не будет никаких частных дорог.

– А вот и будут!

– Никогда!

Послушал я перебранку историков и понял, почему Сергей Ильич не пользуется пылким расположением коллег, почему живет анахоретом. Не любили Татарникова за его упорный пессимизм. А когда у человека штаны сопрут, пессимизм его только усиливается, это естественно.

– В России возможна демократия! – крикнул доцент Волобуев взволнованно. – Возможна! Дайте мне только листочки из органаizersа найти! Я вам с цифрами в руках докажу!

– Чушь все это. И устрицы в Москве-реке тоже не водятся, – сказал со своего сука Татарников.

– Народ, – сказал Волобуев, – хочет свободы!

– Народ только и мечтает, как от свободы избавиться, – сказал Татарников и добавил, обращаясь ко мне: – Позовите-ка, голубчик, проводника.

Сева, двухметровый проводник, явился на зов, сообщил, что скоро прибываем.

– Приятно слышать, – сказал Татарников, – только вы уж, голубчик, до прихода поезда мне штаны верните, а то неудобно на люди выйти. Нет, вы уж не отнекивайтесь, голубчик, несите сюда штаны. И вообще, скажу я вам, воровать грешно. Вот тут со мной журналист едет, он про вас такое напишет! Много вам за кражи-то заплатили?

Тут я изобразил лицом свирепость: дескать, такое напишу! Про себя же подумал, что ни одна газета моего материала не возьмет.

– Так я ж не воровал! Просто взял и в другое место переложил. Вот, извольте убедиться, очки ваши тут, – и проводник Сева достал из-под подушки Волобуева очки профессора Киселева. – А штаны ваши, уважаемый, в сумке у вашего соседа.

Я раскрыл саквояж – и точно: брюки Татарникова были здесь, под моей рубашкой.

– Просто все, как огурец, – говорил Татарников, надевая штаны. Никогда я не видел такой радости у него на лице, видимо, и впрямь человеку без штанов плохо. – Проводнику заплатили за дискредитацию частной компании. Вот наш милый Сева и пакостит помаленьку. Лифчик припрячет, очки стащит. Сева вообще-то не вор, он, скорее, красный комиссар – то есть не красный, разумеется, но безусловно комиссар. Миссия у него значительная.

– Не понимаю, простите. – Панин наморщил лоб. С таинственным Хозе ему было все ясно, а про комиссара Севу он не понимал.

– Идет процесс наподобие социалистической коллективизации – только теперешняя коллективизация капиталистическая. И у Севы в данном процессе роль важная, комиссарская роль. Требуется провести коллективизацию капиталистическими методами: обанкротить предприятие, обесценить акции. Надо, чтобы на частный поезд поступали жалобы, граждане перестали покупать билеты и владелец продал свое дело государству за бесценок. Правильно рассуждаю, Сева?

Проводник не ответил, обиженно поджал губы.

– Красный комиссар собирал с кулаков оброк, лишал средний класс прибыли. А нынешний госчиновник в согласии с госбанкиром отбирает прибыль у капиталиста. Ну и нашему Севе досталась важная роль, он сеет панику в рядах частного капитала. Нравится вам ваше дело, голубчик?

– А то что же получается, – пробасил Сева, – на буржуев горбатимся. Нам зарплату платят как хотят, сами на яхтах катаются, а ты здесь целую ночь толчешься без сна. Они-то, небось, на поезде не поедут, по морям рассекают, буржуи!

– Вы, Сева, вероятно, полагаете, что государственные чиновники на яхтах не катаются? – Татарников любовно оглаживал свои штаны. Нравились ему его брюки, хотя, по мне, их можно было бы уже в музей сдать. – Полагаете, там, наверху, судоходством не интересуются, только о железной дороге пекутся? Не думаю, Сева, что вы правы. Яхты у наших государственных мужей длиннее, чем железнодорожные составы. Россия всегда стремилась стать морской державой – завет Петра! – но преуспела в одном лишь аспекте: в персональных яхтах. Подлюдки у нас долго не живут, эсминцы то и дело тонут, поезда на дорогах сами знаете в каком состоянии, а вот с частными яхтами как раз все благополучно.

Поезд мягко подкатил к перрону Московского вокзала, историки стали собирать вещи.

– Вы, пожалуйста, поаккуратнее, Сева, – сказал Татарников на прощание. – Миссия у вас, конечно, государственная. Но и государственное дело можно исполнять, соблюдая приличия. Хотя, – задумчиво добавил историк, – это непросто. Вот об этом мы и будем сегодня рассуждать на примере древних обществ.

– Предупреждаю, я буду настаивать на принципе двоичности! – сказал Волобуев. – Народ и правительство, бизнес и прогресс, вера и власть.

– Водка и огурец, – добавил Татарников. – Что действительно приятно, дорогие коллеги, так это то, что вечером опять сядем на поезд. Если к вам попадем, Сева, вы уж мои штаны не трогайте, ладно? Государева служба – понимаю, но мои штаны оставьте в покое. Обойдется государство без моих штанов.

Мы вышли на перрон, вдохнули сырой питерский воздух, один лишь доцент Волобуев задержался в тамбуре, и я услышал обрывки его разговора с Севой.

– А странички-то мои где?! – кричал Волобуев. – Странички из органайзера! Украл рукопись – так верните!

– Нету их у меня, – басил Сева.

– Штаны вернули, очки вернули! Рукопись теперь верните!

– Не могу вернуть, простите.

– Как это?! – ахнул Волобуев. – Передали по инстанции?

– Так не довез я странички до станции, туалетная бумага у нас в вагоне кончилась.

– Что?! – и судорога исказила черты Волобуева. – Вы подтерлись планом преобразования России?!

Ничего не ответил проводник поезда «Москва– Петербург». Стоял Сева смущенный, глядел в сторону.

– Подтерлись... Вы хоть заглянули в странички? Вы хоть помните, про что там было написано? – Ну, посмотрел... Невнимательно, конечно... Сами понимаете, вагон качает, сидишь на корточках...

– Эх! – за голову схватился доцент. – Люди российские! Вы хоть скажите – там про земства было?

– Вроде было, – почесал затылок Сева, – а может, не было... Нет, не заметил... Занят был.

Русский траппер

Мы приехали на место происхождения – Гена Чухонцев, следователь, и я, репортер. Тряслись два часа по колдобинам, но все же дорулили до тихой заводь – река Клязьма делает здесь волшебный изгиб, образуя укромнейшую заводь, скрытую от глаз. Да и откуда взяться глазам – никаких соглядатаев тут быть не может. Так, пара деревень окрест, да уж практически вымерли те деревни, кто там остался? Безумные бабки да спившиеся подростки, и те наперечет. Кривые домишки, гнилые бревнышки, сорняки в огороде; тоска, обыкновенная русская тоска. И сетовать не приходится, что доживают эти деревеньки свой век, – всему приходит конец. Скоро снесут на погост бабок, сопыются мужики, заколотят их в гроб, зарастут лопухами хибары – и все, поминай как звали русскую деревню.

Вот с другой стороны реки, там да, уголья лучших людей страны, такие стоят замки, что раз увидишь архитектуру – уже не забудешь, сниться станут те сооружения. Там у них заборы по четыре метра высотой, корабельные сосны по сорок метров, хоромы в шесть этажей. Но на этих угодьях и вовсе некого найти, чтобы смотрел на реку, – некому здесь любоваться водными просторами, хозяева появляются редко. Живут они большую часть года в Монако или на Багамах, а сюда, на Клязьму, навещают не часто – а может, и вовсе никогда. Ну что здесь, в сущности, делать? Комаров кормить? Водку пить под соснами? Конечно, к месту работы – то бишь к Кремлю – поближе. Но ведь иной раз и задумаешься: а надо ли быть так близко к месту работы? Может, подальше – оно и надежнее, для здоровья полезнее? Вот и стоят по одну сторону реки пустые замки, а по другую – заброшенные деревни. С какой стороны ни взгляни – заповедные места.

Доехали мы, вышли из машины, осмотрелись.

Яхта уже стояла пришвартованная к берегу, пассажиры давали показания, опера записывали сбивчивые рассказы в блокноты – а редкие пейзажи дивились на столичных фраеров: одеты с причудами, говорят с вывертом, все у московских не по-людски. Жители прибрежных деревень спускались по косогору к яхте, прислушивались к разговорам. Какие у них здесь развлечения? Они такого события, может, сто лет не видали, а может, и все двести. Дивились пьяненькие мужички на столичных свидетелей. А свидетели не старались говорить тихо.

– Не могу молчать! – кричала правозащитница Альбина Кац, я узнал ее голос еще за километр. Характерный такой голосок.

Гена тоже узнал голос, втянул голову в плечи, это у него такой привычный жест – когда Гена понимает, что ему надают по шапке на работе за халатность, нераскрытое дело, шум в прессе, он всегда втягивает голову в плечи, старается спрятаться.

– Поднимемся на борт? – предложил Гена без особого энтузиазма, и мы поднялись по сходням на палубу.

– Ну и где тут?..

Местный следачок, усталый и напуганный, с уважением посмотрел на прыщавого Чухонцева: вот приехал столичный кадр, сейчас все раскроет. Знал бы он, как Гена боится любого дела.

– Слава богу, вы приехали. Не знаю, как и подступиться.

Нас проводили к телу.

– Это по твоей части, – сказал мне Гена, – не иначе как месть журналисту. Политическое убийство, чувствую, пахнет политикой. Надо публикации готовить – пусть правительство займется. Как считаешь, президент возьмет дело под свой контроль?

Гена смотрел на меня с надеждой, словно я мог повлиять на президента. Ну что я мог ответить? Что это не избавит его от хлопот? Что в тот момент, когда президент возьмет дело

под свой контроль, всем тем, кто успел с ним поработать в следствии, достанется на орехи? Ничего я ему не сказал: он и так все знал.

Гена затравленно озирался, а местный опер следил за его взглядом, думал, цепкий глаз Чухонцева выхватывает подробности и детали.

– А вот обратите внимание: бочку мальвазии им на борт погрузили.

– Вижу.

– А вот подмости, тут эстрада...

– Сам вижу.

– Праздник был, понимаете?

– Сам знаю.

На борту яхты «Фортуна-2» (где первая «Фортуна», никто не знал – видимо, потонула) воротилы издательского бизнеса отмечали презентацию нового журнала «Русский траппер». Почему вдруг – траппер? Зачем в России траппер? Этого никто не спросил – видимо, предполагалось, что отечественный траппер (то есть первопроходец, охотник, следопыт) – это тот, кто осваивает новые территории бизнеса, прокладывает дорогу по целине прогресса. Русский траппер – как написано было в анонсе журнала – это тот, кто ставит капканы на российскую косность и казнокрадство, местничество и взяточничество. Русский траппер – это флагман национального возрождения. Сам президент дал интервью в первый номер, поддержал идею трапперства. Дескать, расставим капканы на финансовый кризис! Словом, ударное издание.

Не то чтобы у нас в отечестве была нехватка журналов, но время от времени создавали новый – еще свежее и острее, чем прочие. Так вот, «Русский траппер» обещал стать самым шикарным изданием новой России. Предполагалось, что помимо обзора мод, ресторанных новинок и охотничьих рассказов, журнал будет давать политические статьи, бескомпромиссные и отважные. Новоиспеченный главный редактор, небезызвестный в журналистских кругах Роберт Хабибуллин, грозился, что не пройдет и полугода, как он расскажет всю правду и расставит все точки над «i». И, пожалуй, расставил бы – вот погулял бы на презентации, а наутро и расставил – только незадача вышла: застрелили Хабибуллина.

Прямо в лоб, промеж бровей вlepили пулю надежде русской журналистики – и пышное тело Хабибуллина лежало теперь на палубных досках под палящим солнцем. Лето выдалось жарким, река прохлады не давала, на небе ни облачка. Мирный, спокойный день на реке. И вот на тебе! Застрелен журналист, обезглавлено издание, осиротел «Русский траппер»! Некому теперь ставить капканы на тоталитаризм и варварство.

Я склонился над телом, осмотрел аккуратную дырку во лбу Хабибуллина. Крови почти не было, круглое черное отверстие и все. Как же это просто, господа! Бац – и нет главного журналиста столицы. Работал профессионал, это понятно. Не из дедовского обреза стреляли, использовали шикарную снайперскую винтовку – и выстрел получился отменный. Признаюсь, я восхитился работой. Стыдно сказать, но я оценил качество выстрела – видимо, выписали знатного киллера, свое дело он, несомненно, знал. Прямохонько в лоб попал злодей, а лоб у Роберта Магомедовича Хабибуллина не особенно высокий – так, сантиметра два с половиной. Однако снайпер не промазал: хоть стрелял в самую гущу гостей, но пуля нашла свою жертву безошибочно.

Мы – так уж это принято – восстановили события. Отчалили они, стало быть, в двенадцать ноль-ноль по московскому времени, а к четырем часам добрались уже до этого злосчастного места. Яхта двигалась небыстро – но все же и не стояла, плыла себе вдоль живописных берегов. Хабибуллин находился в самом центре палубы, держал в одной руке куриную ножку, в другой – бутылку шампанского и наливал шампанское в бокал правозащитницы Альбины Кац. Слева от него стоял торговец пушным товаром Сундуков, справа – депутат горсовета Кошелев, сзади – лидер демократической партии Сливкин, а журналист Берштейн как раз подошел к герою дня с корзиной подарков от сотрудников. Не успел Берштейн произнести заго-

товленный спич – сотрудники «Траппера» написали по случаю стихотворное приветствие, – как Хабибуллин грянул навзничь на палубу. Не ахнул, не крикнул, не крякнул – просто обвалился главред, как срубленное дерево, и бутылку уронил. Сначала решили – солнечный удар, перегрелся Хабибуллин. Потом подумали: давление шалит у главреда, работает Роберт Магомедович слишком много. Не шадит себя, все о Родине думает – и вот результат: гипертония. Некоторые, впрочем, намекали, мол, негоже с утра пораньше водку с шампанским мешать.

Но присмотрелись – оказывается, водка ни при чем. И гипертония тоже ни при чем. Убит – среди бела дня – убит человек. Ничего себе прогулочка на яхте получилась в воскресный день!

Гена Чухонцев даже не просил, как это у него заведено, подкинуть идейку. Вариантов было столько, что можно выбирать – но штука в том, что выбирать совсем не хочется. Что ни возьми – столько за этим встает проблем. Я чувствовал, что Гена лихорадочно ищет самое простое решение, самое непритязательное, уголовно-бытовое, такое, чтобы политика оказалась вовсе ни при чем.

– Может, его пушной фабрикант грохнул? – с надеждой спросил меня Гена. – Скажем, Хабибуллин отказался его рекламу давать. А Сундуков пришел на презентацию с ружьем, как, по-твоему, похоже на дело? Как вариант?

– Прямо на презентации решил пальнуть? – усомнился я.

– И что такого? – цеплялся Чухонцев за свою версию. – Спиллил дуло, спрятал обрез под одеждой, а потом...

– Гена, – сказал я ему, – ты не увлекайся! Сундуков в плавках был.

– В плавки спрятал, – робко предположил Гена.

– Обрез?

– Да что ты ко мне пристал! Ладно, не прятал он обрез в плавки! Хорошо! Так, может, конкуренция? Может, коллеги шлепнули? Хочет Берштейн занять редакторское кресло? Как думаешь? – Гене ужасно не хотелось сворачивать на политику, не хотелось даже думать в том направлении. Ни с кем не хотел связываться Гена Чухонцев – ни с городской думой, ни с демократической партией. Пусть журналист Берштейн будет виноват, всем сразу станет легче. – Берштейн? – спросил я, предлагая ему вслушаться в безобидную фамилию.

– Как вариант... Приготовил корзину подарков, а на дне корзины – обрез. Достает свертки, вынимает ствол... Подошел ближе – бабах!

– Ну что ты, Гена, – сказал я ему мягко. – Не делают так журналисты.

– А может, некоторые делают? В порядке исключения?

– Ты посмотри на Берштейна!

Поглядели мы на Берштейна: лысенький, тощенький, пушок вокруг темени, кадык болтается на тощей шее. Нет, не метил Берштейн на место Хабибуллина, это даже Гена Чухонцев понял.

– По-твоему, заказное? – Тоска была в голосе Чухонцева, тоска обреченного.

– Ясно, заказное. Тут, Гена, даже думать нечего. Ты вот со Сливкиным поговори, с демократом – узнай, кому выгодно заставить газету молчать.

– Ох, неохота мне со Сливкиным говорить! Имей в виду – подозрения с Берштейна я не снимаю!

– Ну хотя бы с Кошелевым побеседуй. Интересно, что в городской думе считают.

Гена Чухонцев руками на меня замахал. Не хочет он с Кошелевым беседовать. Несладко было следователю Чухонцеву.

Тут еще Альбина Кац, правозащитница со стажем, подливала масла в огонь: влезла на капитанский мостик, взяла мегафон и давай орать: «Совесть России убита! Не дадим заткнуть рот правде!» Гена распорядился ее с капитанского мостика снять, но Альбина Кац была опытный оратор. Прошла такую школу, никакому Гене Чухонцеву за ней не угнаться. Едва матросы

и милиционеры приблизились, как Альбина Кац влезла по веревочной лестнице на грот-мачту и оттуда, с клотика, стала орать как резаная: «Душат прессу! Ломают золотые перья России!». Я думал, Гена с ума сойдет – он весь как-то съежился, побелел. Пальцы дрожат, голос стал писклявый.

– Слезайте с мачты, гражданка! – пищит Гена.

– Нас не сломить! – кричит Альбина Кац. – Мы не слезем с мачты! Люди доброй воли, помогите!

Ее крики сразу же пьяная шпана с берега подхватила, местные ярыжки возбудились. Дранные, пьяные, в линялых тренировочных штанах, они подошли к яхте.

– Нас не сломить! – орут и пустыми бутылками в милицию кидаются. – Палачи! Дашь демократию!

– Давай журнал посмотрим, – предложил я Гене. – Они как раз пилотный номер издать успели. Поглядим, кого этот номер мог задеть.

Под палубным тентом, на пластмассовом столике, заляпанном вином, разложили мы свежий «Русский траппер». Бескомпромиссный листок, что там говорить! Открывался номер приветственным словом самого президента – пожелания успехов на ниве трапперства. Называлась статья «Доброй охоты!». Следом шли мнения Альбины Кац по поводу положения в Дагестане – Альбина Кац в чем-то сомневалась, кое-что осуждала, но в целом – надеялась. Демократ Сливкин писал о перспективах «открытого общества» в Мордовии – много было проблем, но шансы справиться имелись. Интервью с Кошелевым касательно строительства высотной башни «Россия» – по словам депутата, башня эта должна была стать самым высоким сооружением в мире. Был представлен и текст подозреваемого Берштейна – писал Берштейн о богатом меценате Бабуянове, сенаторе и миллиардере, купившем футбольный клуб в Афинах. Дескать, побольше таких Бабуяновых, и мир изменится.

– Ну и что? – спросил меня Гена. – Тебя что здесь зацепило?

– Например строительство. Что если проект давно рассыпался, и Кошелев вытащил на свет то, что надо спрятать? Небось бюджет стройки уже распилили и в офшоры вывезли, а этот лопух здесь рекламу дает.

– А Хабибуллина зачем стрелять?

– Ты не думаешь, что метили в Кошелева?

– Как вариант... – Гена цеплялся за любую соломинку. – Хорошая догадка...

– Это какая же у вас догадка? – загремел с берега сочный голос, и большой жирный человек в белом костюме резво взбежал по сходням, а за ним три охранника в черных костюмах.

Толпа свидетелей раздалась, менты прижались к поручням, местный следачок совсем скис.

– Это сам Бабуянов, – шепнул он нам с Геной. – Его усадьба вон на том берегу, аккурат напротив деревни.

– Ах так, значит, он здесь живет! – оживился Гена, но взглянув на Бабуянова, понял, что приставать с расспросами к этому человеку не следует.

– Бабуянов, – пояснил я Гене, несведущему в мире журналистики, – владелец и спонсор «Русского траппера». Он не только футбольным клубом владеет, у него еще газеты и пароходы. Этот журнал основал, чтобы подольститься к президенту, и Хабибуллина он главредом назначил. Пожалуй, ему убивать собственного главреда – без надобности.

Гена слушал меня вполуха, а оставшиеся полтора уха обратил к Бабуянову – сенатор ухватил Гену за грудки, чтобы тот не вывернулся.

– Чтобы к вечеру всех нашел! – орал Бабуянов. – Лично мне доложишь! Придешь – и доложишь! Если тебе бабки нужны, так прямо и скажи! Вы все за взятки работаете, знаю я вашего брата! Мошенники! Тебе сколько дать, чтоб поворачивался?

– Ничего мне не надо!

– Бери, прыщавый, пока дают! Но чтоб за каждую копейку отчитался! Я тебе не мать Тереза! Зря никому не даю! Сказал: найди, значит – разбейся, а найди! На брюхе приползешь и доложишь! Понял?!

– Я на службе! Пустите меня!

– Ты народу служишь, прыщавый! Стране! А я и есть представитель народа, понял? И спросим мы с тебя строго, ох, строго спросим!

– Опричник! – крикнула Гене с мачты Альбина Кац, правозащитница. – Держиморда! Прошли времена, когда карательные органы пользовались безнаказанностью!

– Верно, Альбиночка! – улыбнулся ей Бабуянов. – Прошли те времена! Мы теперь этих следачков без каши жрать будем! А то, понимаешь, забрали себе власть! Распоясались! Понял, прыщавый? – И Бабуянов потряс Гену за шиворот.

– Вы, однако, полегче, – сказал я Бабуянову, – руки не распускайте.

– А ты кто такой? – спросил Бабуянов, и его охрана придвинулась ко мне совсем близко. Знаете такое ощущение, когда со света попадаешь в темную тесную комнату – вот так и для меня мир вдруг сжался в очень маленький уголок – а слева и справа нависли люди в черном. И очень сильно пахло потом и одеколоном, меня едва не стошнило.

– Репортер, – сказал я.

– В моем «Траппере» служишь? То есть в «Русском траппере», – поправился Бабуянов.

– Нет, я в «Вечерней газете» работаю.

– А то иди к нам, в «Траппер». Лучшие перья у нас. Эх, какого журналиста убили... – закручинился Бабуянов. – Какая светлая голова... Знал, знал мазурик, кого убрать...

– А может, он и не знал, – подал голос тощий Берштейн. – Может, убийца не понимал, что значит Роберт Магомедович для России? А то бы не осмелился...

– «Не мог понять в сей миг кровавый, на что он руку подымал»... – выла с мачты Альбина Кац.

– А хрен его разберет... – задумчиво сказал Бабуянов. – Может, и не понимал. Забашляли, видать, мужику прилично. Из чего он шмалял?

– Простите? – Гена приводил в порядок свой костюмчик, измятый сенатором.

– Волына, спрашиваю, какая? Ружье какой марки? – Пуля от винтовки «Голанд-Голанд», – встрял местный следачок.

– Дорогая вещь. Не пожалели на моего главреда бабок. У меня в охотничьем павильоне таких всего пять штук. Ценный ствол. Я вам так скажу: стреляли в главреда, а метили выше! Я верно говорю: тут крупный заказ. Под меня копают... Или... – Бабуянов не договорил, но многим стал понятен его намек. Что если вообще решили похоронить идею трапперства, идею свободной охоты? Может, кто-то решился на безумный шаг, осмелился дискредитировать проект, одобренный самим президентом? А что если... – Дальше и думать уже люди страшились, столь дерзновенно-пугающим представал им замысел убийцы.

Гена стоял понурый. Мечты – посадить Берштейна, обнаружить обрез в плавках Сундукова, и даже казавшаяся ранее опасной фантазия обвинить депутата Сливкина – все это отступало рядом с распахнувшейся бездной. Оказывается, перед нами дело государственного масштаба.

– Где панихиду будем устраивать? – тем временем говорил Бабуянов сотрудникам редакции. – Я предлагаю в Государственной думе – пусть депутаты видят, за что человек кровь пролил. Пусть прочувствуют, шельмы.

Идею поддержали.

Альбина Кац слезла с мачты и пошла по кругу собирать подписи под письмом общественности президенту Российской Федерации с просьбой защитить журналистов от произвола и террора.

Незамеченные никем, спустились мы с Геней с «Фортуны-2», сели в мою раздолбанную «шестерку», поехали в город.

– К Татарникову зайдём? – спросил я Гену. Просто спросил, чтобы что-нибудь сказать.

– Отстань ты со своим Татарниковым! Мало мне Хабибуллина с Бабуяновым! Хватит с меня! Останови машину! – Гена выскочил прямо на шоссе и стал ловить попутку. Достали парня.

Я не обиделся, на что тут обижаться? Доехал до дому, завернул в магазинчик на углу, взял «Гжелку». Я далек был от мысли, что Татарников разгадает загадку – загадка представлялась мне неразрешимой. Много таких диких убийств в нашей демократической столице так и остались нераскрытыми, даже перечислять не хочется – и так все отлично знают, про что я. Нет, я и не думал, что Сергей Ильич поможет. Просто хотелось сесть с ним рядом, на тесной кухоньке, посмотреть, как он затягивается едким дымом, как медленно переливает в себя водку. Знаете, когда я смотрю, как Татарников пьёт водку, мне делается спокойнее на душе – остались ещё неизблемые ценности, не все пропало. Вот сидит Сергей Татарников, пьёт водку – стало быть, есть какая-то надежда.

Словом, зашёл я к нему.

Сели, разлили, да и рассказал я историку весь свой безумный день, езду по колдобинам описал, речку Клязьму, деревню Гавриково, сенатора Бабуянова, его дородных охранников.

– Обезглавили, значит, свободную прессу, – заметил Сергей Ильич, но как-то равнодушно он это сказал.

– Обезглавили, – согласился я.

– Горюют правозащитники?

– Ох, горюют, Сергей Ильич!

– И подозреваемых нет?

– А кого прикажете подозревать? Откуда мы знаем, кто может под Бабуянова копать? Мало ли у него конкурентов... Кто в Лондоне сидит, кто в Кремле...

– Ну, из Лондона, допустим, до Клязьмы не дострелишь.

– Наняли киллера.

– Наняли, говорите, киллера... – Татарников задумчиво покуривал, прихлебывал из стакана.

– В истории современной России, – сказал я, – это вещь обычная. Так только вопросы и решают. Так бизнес и двигают.

Услышав слово «история», историк Татарников нахмурился.

– Вы когда-нибудь задумывались над тем, что движет историей? – спросил меня Сергей Ильич Татарников.

– Как это, что движет историей? – Я даже привстал со стула, не ожидал я от Татарникова такого вопроса. Обычно историк проповедовал созерцательный подход к событиям, обобщений не делал. – Как вас понять, Сергей Ильич? Ну, сама она идет себе и идет.

– Верно, – Татарников поскреб лысину, пожевал губами. – Идет себе история и идет. Но ведь что-то ее толкает вперед, не думаете? Скажем, дерево растет себе и растет. Но если дерево поливают, оно растет быстрее.

– Что движет историей? – Нет, не знал я ответа на этот вопрос.

Историю раньше, при советской власти, двигали борьбой классов, а вот чем сегодня двигать, не договорились. Борьбу классов, кажется, отменили. Теперь эта теория считается неверной, а если не борьба классов движет историей, то что же ее, родимую, может двигать?

– Не знаете? – спросил жестокий Татарников. Своих студентов он так же пытал. Спросит о чем-нибудь каверзном и стоит над душой, ехидничает. – Не знаю, чем двигают историю.

– Подумайте и сразу догадаетесь. Вы просто не стараетесь.

– Мало ли чего я не знаю! Если расскажете, буду знать! – ответил я резко.

Не мальчик я, нечего мне тут экзамены устраивать.

– Вы задумывались над тем фактом, что часто мы обладаем чем-то, чем не можем воспользоваться?

– Простите, не понял.

– Чего уж проще. Скажем, у вас есть деньги, а они ничего не стоят – в финансовом мире это несоответствие обладания и возможностей называется инфляция. Но ведь таких несоответствий в мире очень много, вся история состоит из этих недоразумений.

Яснее не стало, я пожал плечами.

– Вот, например, знаете ли вы, из-за чего началась Столетняя война?

– Какая война?

– Столетняя, – отозвался историк. – Началась она в одна тысяча триста тридцать седьмом году. И знаете ли вы, из-за чего?

– Умоляю! Только не надо про Столетнюю войну!

– После смерти Людовика X Сварливого, – неумолимо продолжал Татарников, – его дочь Жанна Наваррская не унаследовала престола. Формально Жанна должна была царствовать, а фактически не смогла: припомнили внедренное франками салическое право – то есть наследование престола исключительно по мужской линии – а не пользовались им к тому моменту уже лет девятьсот. Ввел это право Хлодвиг, помните Хлодвиг? – Историк выпустил облачко дыма, сощурился, припоминая детали Столетней войны. Я похолодел. Если он теми же темпами будет рассказывать, нескоро мы доберемся до Роберта Хабибуллина.

– Не слышал я про Хлодвиг.

– Напрасно. Интереснейшая фигура. Однако вернемся к Жанне Наваррской и салическому праву. Право это припомнили только затем, чтобы не дать Жанне корону. Королем стал младший брат покойного Людовика – Филипп V. И ничего хорошего из этого не получилось: права на французский трон заявил Эдуард III Английский. Он сказал, что салического права не признает, а следовательно, Филипп и его потомство – узурпаторы. Люди взялись за оружие, началась длинная история Столетней войны. И возникла она оттого, что некто наследовал корону, но не мог ею воспользоваться. – Казалось бы, при чем тут Хабибуллин? – не удержался я от колкости. – А оказывается, нити тянутся к нему еще от Хлодвиг с Эдуардом.

– Вы тоже заметили? – Сергей Ильич выпустил струю дыма, отвинтил крышку у бутылки, звякнул горлышком о стакан. – Тянутся нити, тянутся. Принцип несоответствия обладания и возможности пользоваться тем, чем обладаешь, и есть двигатель истории. Так-то, голубчик. Скажем, отмена крепостного права в России. Ведь какая благородная реформа! Формально – освободили крестьян. Фактически – как этой свободой прикажете пользоваться? Или, допустим, демократию взять...

– Что с ней не так, с демократией?

– С одной стороны Клязьмы бедная деревня, а с другой – охотничьи угодья Бабуянова? – невпопад спросил историк.

– Ну да. Охотничьи угодья Бабуянова. Гектаров двадцать.

– И что же на этих угодьях?

– Как что? Ландшафтный дизайн. Охотничий павильон. Шикарно все устроено.

– Понимаю. Дикая природа, павильон охотника. А за охотничьими угодьями Бабуянова что расположено?

– Так там вообще правительственная зона. Такие дворцы – ахнете! Там у самого президента дача.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.